

№ 610. — Письмо А. И. Герцену.

7 ноября 1860 г [ода]. Г[ород] Иркутск.

Любезный Герцен! Месяцев 7 тому назад я написал тебе предлинное письмо в 20 листов. По разным обстоятельствам оно до тебя не дошло. Это был первый взрыв освобожденного слова после долгого молчания. Теперь буду короче. Прежде всего позволь мне, воскресшему из мертвых, поблагодарить тебя за благородные симпатичные слова, сказанные тобою обо мне печатно во время моего печального заключения 1. Они проникли через каменные стены, уединявшие меня от мира, и принесли мне много отрады. Ты хоронил меня, но я воскрес, слава богу живой, а не мертвый, исполненный тою же страстною любовью к свободе, к логике, к справедливости, которая составляла и поныне составляет весь смысл моей жизни.

Восьмилетнее заключение в разных крепостях лишило меня зубов, но не ослабило, напротив укрепило мои убеждения. В крепости на размышление времени много; инстинкты мои, двигатели всей моей молодости, сосредоточились, пояснились, как будто стали умнее и, мне кажется, способнее к практическому проявлению. Выпущенный из Шлиссельбургской крепости почти 4 года тому назад, я окреп и здоровьем, женат, счастлив, в семействе и, несмотря на это, готов по-прежнему, да, с прежнею страстью, удариться в старые грехи, лишь бы только было из чего. Я могу повторить про себя слова Фауста:

Ich bin zu alt um nur zu spielen,
Zu jung um ohne Wunsch zu sein

("Я слишком стар, чтобы лишь играть,
и слишком юн, чтоб не желать".),

а будущее и даже близкое будущее, кажется, обещает многое. Началась и для русского народа погода, и без грома и молнии, кажись, не обойдется. Русское движение будет серьезным движением; ведь фантазерства и фраз мало, а дельного склада много в русском уме, а русское широкое, хоть и беспутное сердце пустяками удовлетвориться не может. Мы здесь живем день ото дня, яко чающие движения воды, следим за всеми знаменами, прислушиваемся ко всем звукам, ждем и готовимся. Много хотелось бы мне поговорить с вами 2 о том, что делается и не делается в России и вне России. Но не за тем взялся я теперь за перо. Завтра должен я отдать это письмо курьеру, а мне нужно поговорить с вами, друзья, о предмете столь же важном для вас и для нас, и предотвратить вас, если возможно, от несправедливости против одного из лучших и полезнейших людей в России и от преступления против ваших собственных убеждений.

Есть в самом деле один человек в России, единственный во всем официальном русском мире, высоко себя поставивший и сделавший себе громкое имя не пустяками, не подлостью, а великим патриотическим делом. Он страстно любит Россию и предан ей, как был ей предан Петр Великий. Вместе с тем он - не квасной патриот, не славянофил с бородою и с постным маслом. Это - человек в высшей степени современный и просвещенный. Он хочет величия и славы России в свободе. Он - решительно демократ, как мы сами, демократ с своей ранней молодости, по всем инстинктам, по ясному и твердому убеждению, по всему направлению головы, сердца и жизни; он благороден как рыцарь, чист как мало людей в России; при Николае он был генералом, генерал-губернатором, и никогда в жизни не сделал он ничего против своих убеждений. Вы догадываетесь, что я говорю про Муравьева-Амурского, против которого вы выступаете теперь врагами. Скажите, как это могло случиться, как вы, возложившие на себя высокую и трудную обязанность блюсти за Россиею, как вы могли не заметить, не узнать единственного патриота и государственного человека в нашем отечестве, которого мы можем назвать безусловно нашим, и от которого Россия может теперь ждать действительной службы, может быть спасения, - я говорю вам о человеке, с которым я дружен и с которым вижусь почти каждый день вот уж два года.

Вот его политическая программа. Он хочет безусловного и полного освобождения крестьян с землею, гласного судопроизводства с присяжными, безысключительного подчинения такому суду всех (У Драгоманова опечатка "всем".) лиц частных и служебных, от малого до великого, безусловной неограниченной печатной гласности, уничтожения сословий, народного самоуправления и народных школ на широкую ногу. В высшей административной сфере он желает следующих реформ: во-первых уничтожения министерств (он-отъявленный враг бюрократии, друг жизни и дела) и на первых порах не конституции и не болтливом дворянском парламенте, а временной железной диктатуры, под каким бы то ни было именем, а для достижения этой цели-совершенного уничтожения николаевского, пожалуй и александровского вольноотпущенного петербургского лакейства. Он не верит не только в московских и петербургских бояр, но и в дворян вообще как в сословие и называет их блудными сынами России. Вообще он питает одинаковое и вполне заслуженное презрение ко всем привилегированным или, как он их называет, ко всем несекомым сословиям, не верит в публику и верит только в секомый народ, его любит, в нем единственно видит будущность России. Он не ждет добра от дворянско-бюрократического решения крестьянского вопроса, он надеется, что крестьянский топор вразумит Петербург и сделает в нем возможною ту разумную диктатуру, которая по его убеждению одна только может спасти Россию, погибающую ныне в грязи, в воровстве, в взаимном притеснении, в бесплодной болтовне и в. пошлости. Диктатура кажется ему необходимою и для того, чтобы восстановить силу России в Европе, а силу эту хотелось бы ему прежде всего направить против Австрии и Турции, для освобождения славян и для установления не единой панславистической монархии, но вольной, хотя и крепко соединенной славянской федерации. Он - друг венгерцев, друг поляков и убежден, что первым шагом русской внешней разумной политики должно быть восстановление и освобождение Польши.

Нравится вам эта программа? И вспомните, что это-программа не кабинетного идеалиста и фантазера, которому все легко, все возможно, потому что он никогда ничего не сделал, нет, это - мысли, громко высказываемые мысли генерал-губернатора, опытного, испытанного государственного человека, который болтовни не терпит, у которого всю жизнь слово было

делом, воля у которого железная, а ум граничит почти с гениальным.

Я много встречал людей, но не знал еще [ни] одного, в котором сосредоточено было бы так много друг друга дополняющих даров и способностей: ум смелый, широкий, жгучий, решительный; природное увлекающее, воспламеняющее красноречие и вместе простота понимания и изложения удивительная. От прикосновения его мысли светлеют и простеют самые сложные, самые мудрые вопросы; пошиб мысли совершенно русский, практический. Память редкая, обнимающая равно и дела и людей. Заговорите с ним о любом деле или вопросе, касающемся 12-летнего управления его Восточную Сибирью; во всякое время и чем бы он ни был занят, он вам объяснит его со всеми подробностями до мелочей и расскажет так, что вы уж никогда не забудете. Голова его всегда занята множеством разнороднейших дел, но всегда свежая и ясная, кажется, хранит и вмещает в себе все, что хоть один раз ее занимало. Докладчик, докладывающий ему о деле, никогда сам так хорошо его не понимает, как когда ему об нем докладывает. Голова его в вечной работе, он занимается, когда не спит, а спит не более 5-6 часов в сутки, и между тем вы никогда не заметите в нем скрипа рабочего. Он - самый любезный собеседник, всегда живой, остроумный, милый, но милый до того, что в него влюбляются не только женщины, но и мужчины. Да и нельзя не любить его: он сам так горячо ненавидит и любит, у него так много сердца, он - весь сердце. К нему нельзя быть равнодушным; его должно или любить, или ненавидеть. Он - такой верный и нежный друг, так много деликатности и возвышенного благородства во всех его отношениях. Он прям, откровенен и никогда не усумнится высказать свою мысль или чувство. Он берет правдою, широкою, прямою, сердечною правдою. Гнев его должен быть ужасен, презрение его уничтожает. Вот вам нравственный человек. Прибавьте самоотвержение, пренебрежение к собственным интересам исключительное - *il est d'une generosite princiere* ("Он отличается княжескою щедростью"). Он не богат, так не богат, что, оставляя ныне Сибирь, если, что очень возможно по политическим причинам, он оставляет и службу, то ему почти нечем будет жить; а между тем в последние три года во время своих поездок на Амур, в Китай и Японию и благодаря только им он потерял на акциях 80.100 руб. сер., и только мельком раз я слышал от него об этой потере.

Он до такой степени бескорыстен, что отказался принять пожизненную пенсию, которую ему хотели дать за амурское дело, - и все это делается просто, без тени тщеславия; так натурально, как другой выпивает стакан воды. В этом замечательном человеке нет ни капли эгоизма или тщеславия; он дорожит правда названием Амурского, но ни во что не ставит ни свое генеральство, ни свое генерал-губернаторство, ни свое графство. Ему нужна сущность, а не форма власти - еще сходство с Петром Великим, которого гениальною простотою своею так часто напоминает мне Муравьев-Амурский. К нему во всякое время открыт доступ для всех, и для каждого у него есть и память и сердце. Это - настоящий человек, но вместе и настоящий опытный государственный человек; с его умом ни один урок жизни, ни один лично им пережитой государственный факт не мог пропасть даром.

Прежде всего у него русский ум, и его обмануть трудно; он смотрит насквозь в вашу душу и, когда не хочет открыться, не покажет вам своей души. Ум его столь же гибок и тонок, сколько и прям, и в дипломатии его никто не перещеголяет. Он, кажется, способен на все кроме литературы и профессуры, к которым, несмотря на образованность и любознательность свою (он до сих пор читает и учится), он питает инстинктивное

отвращение; друг дела, он ненавидит болтовню. Он так же способен к дипломатии, как и к внутреннему управлению или к военному делу. Он знает людей, умеет обходиться с ними, уговаривать, убеждать, увлекать их; невидимо подчинять их своей мысли и воле. Il semble ne pour commander ("Он как бы рожден, чтобы повелевать"). Что же касается до военного дела, то все знавшие его на Кавказе, где он впервые показал себя как самостоятельный начальник, все знающие его близко теперь убеждены, что он одарен всеми способностями первоклассного генерала: быстрота и ясность соображения, присутствие духа, находчивость в критическую минуту, военное здание, дух непоколебимый, а главное - смелая и счастливая, истинно героическая решимость - все залого победы в нем соединены в высшей степени, и если теперь что-нибудь льстит его самолюбию, так это только мысль командовать армиею против австрийцев, которых он ненавидит не менее меня. Он - истинно гениальный администратор, вносящий толк, разум, ясность и простоту во все части своего управления, а в минуты трудные находящий там средства, где их никто не видит. Дело у него горит под руками, он поражает внезапностью своих решений и неудержимую стремительностью своих исполнений, почти всегда верных, метких, счастливых, потому что они - плод глубокого предварительного размышления. Когда дело идет о деле, он не жалеет ни себя, ни своих служащих; впродолжение 12-летнего управления он сделал верхом, в тарантасе, в телеге, пешком, на лодке более 200.000 верст. Он первый в 1854 г[оду] поплыл на лодках вниз по Амуру и если бы рассказать в подробности все его амурские подвиги, подвиги неустрашимости, самопожертвования, сердца, ума, то право вышла бы геройская эпопея. И этот человек теперь еще - во всей силе своего ума, своих необыкновенных способностей, сердце его нераздельно принадлежит России, делу ее освобождения, славянскому делу. Он - весь наш и убеждениями и делами своими, еще более тем, что он хотел бы сделать для России; я не знаю, да и вы, друзья, не знаете другого человека, от которого Россия могла бы ожидать для себя столько великой пользы. Я помню, как вы оплакивали смерть генерала Пассека3, - вот вам другой Пассек, во всех отношениях лучше, дельнее, умнее, сильнее и, может быть, преданнее Пассека, потому что в Муравьеве гениальная преданность мысли и делу. Вот вам готовый спаситель России, а вы - его враги. Что это значит? И как же велика ответственность, которую вы на себя берете перед Россиею и перед самими собою! От легкомыслия и легковерия, незнания или недостатка критики вы становитесь клеветниками против лучшего человека в России. Ведь это - уродство и преступление.

Петербург, весь высший официальный мир его ненавидит; в Третьем Отделении, куда почти ежедневно пишут ваши корреспонденты, герои, любимцы Завалишин и Петрашевский, в Третьем Отделении он записан как архикрасный; вообще его зовут там le general rouge ("Красный генерал"), - все это очень естественно 4. Между мертвыми он - один живой, между мелкими, своекорыстными интриганам и эгоистами он один предан делу, он не берет пенсии,-как его не ненавидеть! Он присоединяет огромный край исключительно сибирскими средствами, совершает великое дело почти без средств, он щадит государственные финансы, подает проект за проектом для упрощения администрации, для упразднения ненужных служебных мест, для освобождения, для облегчения участи миллионов, угнетенных воровским меньшинством, он не дает спать, заставляет думать о деле, он - в высшей степени человек беспокойный, к тому же громко выражающий свое негодование, свое презрение и к принципам и к людям петербургским, не щадя даже героев ектении (Т. е. царя и династию.). За это его Петербург ненавидит, и это естественно.

Естественно также, что не любит его большинство храброго российского дворянства. Он так глубоко вник в хамски-аристократический блуд российских бояр и так метко честит его - любить не за что. Он любит народ, зато и народ в него верит, имя Муравьева не умрет в Сибири. Не любят его также и литераторы; опять понятно: литераторы-народ щекотливый, тщеславный, вчера дрожали они, сегодня разыгрывают силу и болтовню принимают за дело. Они монополисты тощего русского просвещения, монополисты ума во фраке и любят поклоны. Муравьев их презирает и им не кланяется. Они - либералы, он-простой демократ, нет ничего общего между ними. И так понятно, что вся привилегированная, болтающая и правящая публика не терпит Муравьева, но как вы, друзья народа, могли стать его врагами, как могли так легкомысленно поверить людям, как Завалишин и Петрашевский, о которых поговорим после,- вот чего я решительно не понимаю. Своя своих не познаша.

Вы спросите, чем же доказал Муравьев свои способности, свое честное и полезное направление. 12-летнее управление его Восточной Сибирью - самый лучший ответ на этот вопрос. Один из моих добрых знакомых, политический поляк Вебер 5, досконально знающий Сибирь, ибо был сослан сюда еще до назначения Муравьева, могущий поэтому сравнить положение ее до Муравьева с ее нынешним состоянием, сказал недавно, что если бы напечатать все, что написал Муравьев впродолжение этих 12 лет, особливо бумаги, посланные им в Петербург к императору и к разным министрам, то это одно составило бы блестящую биографию; из этой переписки ясно бы стало, чего он хотел, к чему он стремился. Всякая бумага дышит гуманностью, высокою справедливостью, светлым разумом, пользою государства и края. Главною и постоянною целью всех его предположений и действий было возвышение, облегчение, возможное освобождение всего, что притеснено в России, т. е. по преимуществу народа.

Не помню кто-то, кажется Rene de Taillandier 6, говоря о Сперанском 7, заметил, что в то время как государственные люди других земель находят крепкую опору в общественном мнении, в России они опираются единственно на милость и доверие одного лица, поэтому должны употребить три четверти времени своего на борьбу для удержания своего места и только четверть остается у них на дело. Это вполне подтвердилось на Муравьеве. Малейшую возможность сделать добро он должен был брать с боя и сколько сил, сколько жизни он положил на борьбу с Петербургом, и как дорого стоила каждая победа! Ведь вы знаете, что такое наши министры, наши петербургские государственные люди. Мелкие и пошлые люди с пышною обстановкою, дураки с глубокомысленно-размышляющими минами, недоученные, недоделанные, мелкие эгоисты и честолюбцы с патриотическими фразами, возвысившиеся и поддерживающиеся интригою и подлостью, машинные формалисты, рутинеры, не имеющие даже и предчувствия о живом, действительном деле. Этим развратным машинально живущим и действующим мумиям кроме себя ведь нет ни до кого и ни до чего дела, и всякий преданный человек с живою, плодотворною мыслью вам смешон, пока он бессилен, и становится их врагом, если он может заставить их слушать себя. Муравьева они с первого раза встретили как врага. В комитете министров он нашел только одного истинного неизменного союзника: Киселева (Павел Дмитриевич 8.), ныне посланника во Францию. Все же остальные были против него и постоянно впродолжение 12 лет старались парализовать его начинания то интригою, то систематическим, тупым невниманием.

При таких-то условиях Муравьев должен был действовать. Что ж успел он сделать? Главным делом его без сомнения являются присоединение Амура к России. Я не стану распространяться о нем; для того, чтобы говорить об этом предмете подробно, теперь уже понадобились бы толстые брошюры, если не целые книги. Ограничусь несколькими замечаниями. Амурское дело, великое по своему существу, по своим несомненно полезным результатам, равно как и по ограниченности, ничтожности средств, на него употребленных, подверглось странной участи в России. Сначала вся публика пришла в восторг, и бог знает сколько громких и часто нелепых фраз было расточено Муравьеву; говорили, что он вознаградил за все потери и за весь стыд прошедшей войны.

Прошло несколько времени; в "Морском Сборнике" стали являться одна за другою статьи псевдо-декабриста Завалишина, который, увлеченный местью и непримиримую ненавистью к Муравьеву, сознательно лжет, клеветает, извращает, выдумывает факты, прикрывая желчную клевету либеральными мотивами и фразами, отрицает наконец пользу, судоходность, даже почти само существование Амура и называет его "язвою России". Эти статьи, проникнутые самым мелочным и злым самолюбием, в которых так и сквозит жалкое оскорбленное я г-на Завалишина, написанные впрочем искусно в видах очернения именно перед русской публикой, статьи эти, исполненные противоречий, ничего не доказывающие, только отуманивающие и дурачащие легкомысленного читателя, не выдерживают серьезной критики. И что ж? Вся русская публика вслед за Завалишиным ругает Амур и всех амурских деятелей. В Москве и в Петербурге пресерьезно утверждают, что Амур есть пуф, что даже лодки по нем ходить не могут, что Благовещенск и Николаевск и все села и все станции на Амуре существуют лишь в воображении и в рапортах Муравьева; что Амур разорил Россию, что в нем погибли миллионы рублей и тысячи людей, что он одним словом стал язвою для России.

Странное и глупое существо-русская публика! В ней преобладает лакейская привычка ругать без разбору, ругать и горячиться без страсти, без всякого интереса к предмету, о котором идет речь. Спросите у девяти десятых, у девяносто девяти сотых ныне ругающих Амур: где Амур? Я уверен, что они никогда не посмотрели на карту, и что им в сущности нет ни малейшего дела ни до Амура, ни до Сибири, ни даже до России. А ругают, потому что ругать, всё ругать, всех ругать русскому человеку сподручно, потому что оно в моде и кажется либерально. Эта русская публика, бессмысленная, бесстрастная, но болтающая без умолку обо всем, пошлая - просто блудное стадо, годящееся только под топор.

Судоходен ли Амур? По признанию американцев, знатоков. в этом деле, и наших лучших моряков это - одна из величайших и удобнейших рек в мире. Да зачем спрашивать их? В 1854 году в первый раз сплавили вниз по Амуру на 34 баржах под предводительством Муравьева около 380 человек казаков и регулярных солдат со всем провиантом. В 1855 году под его же предводительством оплавлено было около 5.000 человек казаков и войска также со всем провиантом и с 28-38-фунт[овыми] пушками ; а с тех пор ежегодно сплавляют от Читы по Шилке и по Амуру до Николаевска от 300 до 500 тысяч пуд[ов] разных тяжестей. С 1855 года стали ходить пароходы от Николаевска до Благовещенска. В 1859 году казенных пароходов ходило шесть, а частный пароход американца Дефрис в первый раз явился на Шилке. В нынешнем году собраны были зимою а Николаевске 4 новых казенных мелководных парохода, из которых один обращен собственно на плавание по реке У[с]сури,

а три доплыли вверх, два до Сретенска, один только до Шилкинского гавода, а американец Дефрис дошел вверх по Шилке и по Нерчи до самого Нерчинска. Я говорил с иностранными машинистами; они говорят, что не видели реки более удобной для плавания. Наконец с будущего года будет ходить раз в две недели регулярная пароходная почта между Сретенском (на Шилке, в 75 верстах от Нерчинска, в 360 верстах от Читы) и Благовещенском (почти на самой середине Амура, от Николаевска водою в 2.000 верстах, от Усть-Стрелки при соединении Шилки и Аргуни в 1.200 верстах; Усть-Стрелка от Сретенска в 260 верстах): и так каждую неделю раз между Сретенском и Благовещенском и раз между Благовещенском и Николаевском, т. е. один раз в месяц между Николаевском и Сретенском и обратно, так что "продолжение лета можно будет съездить три раза из Сретенска вниз по Амуру и обратно. Кажется, довольно удовлетворительное доказательство возможности плавания по Амуру, и неправда ли, что Завалишин лжет бесстыдно, утверждая противное? Наконец чего вам более? За провоз из Николаевска до Шилкинского завода брали в прошедшем году с пуда 2 р. 50 коп., в нынешнем году до Сретенска - 2 р. 50 коп., а на будущий год подражаются за 2 р. Провоз от Сретенска до Читы стоит от 25 до 30 к., от Читы до Иркутска от 80 коп. до, 1 р. 20 коп., положим 1 р. Итак провоз от Николаевска до Иркутска будет стоить в будущем году около 3 р. 50 коп., положим 4р., (а кругом света американская компания берет *grix fixe* 1 р. сер. с пуда), в то время как из Нижне-Новгорода до Иркутска он стоит от 6 до 7 р. с пуда, т. е. почти вдвое. Вот вам и доказательство торговой пользы Амура для Сибири, так что сахар, за который мы платим здесь от 16 до 18 руб. пуд, а в Чите даже до 20 р., и который по вычислениям самого Завалишина должен стоить в Николаевске около 5 р., в действительности же продается там за 7 р., не будет стоить в Чите более 9 р., а в Иркутске более 11р.

Я говорю "будет стоить", а не стоит. Почему? Очень естественно: потому что торговля по Амуру, начавшаяся только с 1857 года, находится еще в руках немногих американских и русских авантюристов, пользующихся совершенно монополиею и налагающих поэтому на все совершенно произвольные, невероятные цены. Амурская же компания, с первых шагов своих поведшая себя плутовато и глупо, ныне, не приступив собственно еще к делу, совершенно обанкротилась. К тому же должно заметить, что сибирские, равно как и русские купцы неисправимые рутинисты-староверы, не верующие в новые пути; они только и знают что свою кяхтинскую чайную торговлю, совершенно искусственную, несмотря на то, что по их собственному сознанию она каждый год падает и быстро приближается к своему концу.

Говорят, что в будущем году уже не один, а три американские парохода повезут иностранные товары до Сретенска, и нет сомнения, что освобожденные ныне от всякого стеснения и запрещения американцы вскоре овладеют плаванием и торговлею по Амуру. Но не в том дело. Американцами ли, русскими ли на Амуре Сибирь примкнула ныне к океану, перестала быть безвыходною пустынею, Сибирью. Мы чувствуем уж это влияние: в Иркутске напр[имер] мы ближе к Европе, чем в Томске, Сибирь впервые осмыслилась Амуром. Не есть ли это великое дело, и кто может высчитать все его результаты? Нет сомнения, что Амур со временем оттянет Сибирь от России, даст ей независимость и самостоятельность. Этого сильно боятся в Петербурге, иные даже опасались серьезно, чтобы Муравьев не провозгласил независимость Сибири⁹. Но такая независимость, невозможная теперь, необходимая может в довольно близком будущем, - разве беда? Разве Россия может еще долго остаться насильственно, уродливо сплоченною, неуклюжею монархией, разве

монархическая централизация не должна потеряться в славянской федерации?

Возможность, необходимость ввозной торговли иностранных товаров вверх по Амуру доказана уже фактами и не подлежит более сомнению. Что будем мы продавать американцам, на что будем менять их товары? Этот вопрос озадачивает многих, хотя ответ на него в высшей степени прост. Во-первых, мы должны торговать хлебом, скотом, салом, мясом, пенькою, кожами до тех пор, пока Амурский край, в высшей степени плодородный, но еще мало населенный, не будет производить их в достаточном количестве для торговли. Во-вторых, Сибирь богата драгоценными минералами, а золото есть такой же товар, продукт сибирского труда, как и хлеб. Золота находится много в Енисейской губернии и с каждым годом более в Забайкальской области, богатой и торгующей уже и теперь, хотя еще и в мелких размерах, скотом, салом, кожами, солониною, а также хлебом и канатами. Но главное богатство ее (У Драгоманова напечатано "и", но это явная опечатка.) состоит в великолепных железных рудах, составлявших до сих пор исключительную собственность императорского кабинета, сидевшего на них как собака на сене, и только недавно благодаря Муравьеву, отъявленному врагу всякого казенного производства, открытых для частной промышленности. Теперь самое простое железо по цене своей недоступно, да и нет его почти совсем в продаже, - за самое плохое железо платится здесь по 6 р. за пуд, и нет сомнения, что, несмотря на всю российскую непредприимчивость, несмотря на то, что золотопромышленность притягивает к себе большинство капиталов в Сибири, найдется скоро умный и дельный капиталист, который устроит в Иркутской губернии и в Забайкальской области железные заводы, - предприятие слишком выгодное и прочное, чтобы долго быть оставленным в стороне. Тогда одного железа будет достаточно для пополнения нашей вывозной торговли вниз по Амуру.

Сам вновь присоединенный Амурский край, в высшей степени плодородный, и еще более-прилегающий к нему Уссурийский край (между рекою У[с]сури, впадающею в Амур на западе, Тихим океаном на востоке и Коресю на юге), одаренный и роскошною почвою и благословенным, почти южным климатом, богатый одним словом всем, чего пожелает душа, должны сделаться не более .как через десяток-другой лет житницею Тихого океана. Хлеб родится там теперь нередко сам тридцать; везде следы богатых золотоносных песков, и если бы китайцы согласно условиям Айгунского трактата допустили бы вольную торговлю по реке Сунгари, то уже теперь сунгарского скота и хлеба было бы достаточно не только для продовольствия всего Амура, но и для внешней торговли. Теперь главным предметом торговли служит мех соболей, черно-бурых лисиц и другие, добываемые на среднем и южном побережьи Амура и на всем берегу Тихого океана от Николаевска до залива Петра Великого. Но еще важнейшим предметом должен сделаться с будущего года лес всякого рода, от дуба до лиственницы, мачтовой, строевой и дровяной; его потребуется в огромных количествах в Шаня-хай, Гонк-Конг (Шанхай, Гонконг) и в другие китайские порты, открытые для европейцев. Прибавьте к этому, что остров Сахалин, противлежащий в 60 верстах устью Амура, весь покрыт слоем лучшего каменного угля.

Вот вам в нескольких словах торговое значение Амура. Что бы сделали с этим благодатным краем американцы, если бы он попал им в руки! Но русский и еще более сибирский человек, несмотря на все похвалы, расточаемые ему квасными патриотами, беспомощен как ребенок. Полицейское всевмешательство, крепостное право и патриархальный деспотизм общины 10

убили, кажется, в нем всякий дух предприимчивости, всякую инициативу; он решительно требует, чтоб его тянули вперед, - сам, не идет. Говорить ли вам о политическом значении огромного вновь приобретенного края с благодатным климатом, благодатною почвою, окаймленного двумя великими судоходными реками и примыкающего к Тихому океану? Это - новая Сибирь, но благодатная, просвещенная, приморская. Благодаря Амуру славянское русское царство стало твердою ногою на Тихом океане, и союз с Соединенными штатами, доселе платонический, стал отныне действительный, что ясно выражается в настоящих отношениях и переговорах с Китаем. Благодаря Амуру мы можем теперь содержать огромный, действительный флот на Тихом океане взамен черноморских и балтийских игрушек. Англичане на деле опять нынешнею весною сильно добивались отнять у нас залив Петра Великого. Все дело теперь в населении прибрежий Амура, Ус-[с]ури и Тихого океана от Николаевска до Кореи. Оно идет медленно, медленнее без сомнения, чем у американцев, потому что у нас нет ни их отваги, ни их умной, расчетливо-смелой предприимчивости, ни их свободы движения, а все-таки идет и с каждым годом будет быстро подвигаться вперед 11.

Но прежде чем коснусь этого предмета, расскажу вкратце историю приобретения Амура. Муравьев приехал с этою мыслью в Сибирь и еще до отъезда своего из Петербурга успел уговорить императора Николая снарядить морскую экспедицию вокруг света для отыскания устья Амура. Под предводительством капитана, ныне контр-адмирала Невельского 12 она открыла устье Амура в мае месяце 1849 года. В 1852 году по предписанию Муравьева Невельский заложил Николаевск. В 1849 году Муравьев ездил в Камчатку для ознакомления с краем, особенно же с берегами Тихого океана. В этом же году у него зародилась мысль об образовании Забайкальской области как точки отправления и опоры для завоевания Амура. В 1850 году началась борьба его против всего министерства за исключением Киселева (Павла Дмитриевича.) и Перовского¹³. Главными его противниками были Нессельрод¹⁴, Чернышев¹⁴ и Блудов¹⁵, а за ними и все другие. Его публично называли государственным сумасшедшим, а все амурское предположение - гибельным предприятием. Образование Забайкальской области встретило сильное, страстное сопротивление, особенно когда он потребовал от императорского кабинета жертвы, а именно жертвы 40.000 крепостных крестьян кабинета. В борьбе со всеми министрами и видя стесненное положение наших финансов, Муравьев знал, что ему не дадут денег, и решился совершить огромное дело остаточными суммами от управления Восточной Сибири, с помощью Забайкальского края.

Не он завел казацкое сословие в этом крае, оно издавна существовало на границах Китая, преимущественно на берегах Онона (У Драгоманова напечатано "Аноны") и Аргуни, и простиралось уже до 60.000 душ обоего пола, когда он прибыл в Сибирь. Но ему нужны были рабочие руки на берегах Ингоды (У Драгоманова напечатано "Инады") и Шилки для сплавов вниз по Амуру. Тут жили преимущественно горные крестьяне в числе 40.000. А знаете, что такое горные крестьяне? Это-крепостные, в десять раз более разоренные, утесненные и несчастные, чем самые бедные помещичьи крепостные. Их теперь благодаря Муравьеву в Нерчинском округе более нет, но я ознакомился с их состоянием в Томской губернии, где их приписано более 130.000 к Алтайским горным заводам. Они платят подати и несут все прочие натуральные и денежные повинности, как и другие крестьяне; рекруты их поступают только не в солдаты, а на 25-летнюю каторжную работу в серебряных рудниках. Как крепостные императорского кабинета, которому принадлежат все заводы, "ни несут (У Драгоманова напечатано "носят".) барщину и какую еще барщину! Во всякое

время, во время работ, в распутицу, они должны по приказанию, по чистому произволу горного начальства возить лес, дрова, уголь, руду за 100, за 200, иногда за 300 верст. Кроме того они обязаны продавать свой хлеб исключительно на заводы и по предписанию Чевкина 16, изданному в 1832 году, отнюдь не дороже 28 к[опеек] за пуд ржаной муки. Как крепостные они лишены всякой свободы и управляемы знаете кем? Местным горным ведомством, а знаете ли, что такое горное ведомство? Вы знаете, как бессовестны, алчны, вороваты русские инженеры, - ну вообразите себе российское потомственное инженерство, касту вроде поповской; вот вам и горное ведомство. За весьма редкими исключениями горные офицеры - дети горных же офицеров, потому что им предоставлено почти исключительное право воспитывать детей своих в горном корпусе, (которые поэтому всасывают в себя вороватость с кровью, с первыми впечатлениями детства, с корпусным воспитанием и являются на завод уже готовыми ворами. Жены и матери их - также дочери и сестры горных офицеров. Все горное ведомство составляет поэтому как будто одно дружное, тесно связанное семейство, основанное на систематическом воровстве. И вот оно-то управляет горнозаводскими крестьянами. Должно ли еще мне вам рассказывать, как хорошо жить на свете этим бедным крестьянам? Подробности о их прошлом житье-бытье в Нерчинском округе вы впрочем найдете в прилагаемой мною статье Антонова (полит [ического] преступника поляка Вебера) в "Иркутских Ведомостях". Вот из этого-то положения вырвал их Муравьев, обратив их в казаков. Эта мера навлекла на себя преимущественно гнев Завалишина, не в начале, потому что, как я докажу впоследствии, пока он жил в ладах с Муравьевым, он был не только горячим поборником его действий, но даже сам незванный-непрошенный прикладывал нечистую и тяжелую руку к исполнению его предначертаний. Потом он на него рассердился и стал на него клеветать, и первым и главным предметом его литературных гонений сделалась система казачества и насильственного заселения Амура посредством казаков, - система колонизации, правда несообразная с чистыми началами экономической науки, но при тогдашних обстоятельствах необходимая. За неимением денег, за отсутствием всякой народной инициативы, за невозможностью инициативы народа обленившегося, опустившегося, связанного по рукам и по ногам, нужно было или прибегнуть к ней, или отказаться от Амура. Итак, скажут, 40.000 горных крестьян, весь Забайкальский край были принесены в жертву амурскому делу? А если бы и так, что значит эта временная жертва в сравнении с огромностью добытых результатов? Но если мы докажем, что ни Забайкальский край, ни горные крестьяне не только что не потеряли, но существенно выиграли, быв пожертвованы таким образом в пользу великого предприятия, что ж останется из всей завалишинской аргументации?

Чего он не придумал для того, чтобы оправдать свое поддельное негодование и чтобы запугать воображение своих читателей! И сравнение с аракчеевскою системою и разорение всего Забайкальского края и голодную смерть несчастных переселенцев на Амуре и погибель всего амурского дела. "Амур стал язвою Сибири", - восклицает он торжественно, и глупая публика. ему поверила. А между тем Завалишин, так долго живший в Забайкальском крае, знает лучше всякого, что обращением 40.000 горнозаводских крестьян в казачье (У Драгоманова напечатано "казенное".) сословие Муравьев извлек их из худшего и несчастнейшего положения, какое русское воображение себе представить может, и что их настоящее в сравнении с недавним прошедшим может быть названо царством небесным. Он знает, что кроме всех горно-заводских притеснений и разорений они были еще отданы горным начальством на окончательное высасывание нескольким купеческим домам,

которые подобно жидам в Белоруссии опутали их долгами и держали (У Драгоманова напечатано "держат") их у себя в крепостной зависимости, и что первую муравьевскую меру было гракховское освобождение их от этих неоплатных долгов и от мошенников заимодавцев-купцов. Он знает, что в забайкальском казачестве нет и тени применения аракчеевской системы, что никто не вмешивается в их домашнюю жизнь, и что дома они совершенно свободны, что они освобождены ныне от всех повинностей, что рекрутский набор на каторжную подземную работу в серебряных рудниках заменен обязательством каждого совершеннолетнего казака от 18 лет до 40-летнего возраста являться один год в три года в батальон на местную службу, а горно-заводская барщина заменена рубкою леса для барж, постройкою барж на Ингоде и на Шилке и сплавкою их вниз по Амуру, причем они получали - правда небольшую - плату (20 коп. в день), но они и этого не получали, когда были горными крестьянами, а несли работу несравненно тяжчайшую (С нынешнего года, чего я не знал, отменена всякая принужденная работа, так что уже в прошедшую осень все работы производились наймом. (Примечание Бакунина.))

Прибавьте к этому то, что как горные крестьяне они и дети их обречены были на безнадежное, безвыходное рабство, в то время как со времени их обращения в казаков им всего предстояло 10 или много 15 лет, а теперь уже никак не более 5 лет принужденной работы (теперь уж ей положен конец), после чего кроме военной повинности они уже не будут нести никакой и вполне будут наслаждаться своим сравнительно с казенными крестьянами истинно-льготным положением, так что придется подумать и об уничтожении самого казачества, теперь еще необходимого, [а] вскоре совсем ненужного (На-днях ушло представление в Петербург о преобразовании 12 батал. в батальонное казачье управление - первый шаг к прекращению казачьего ведомства. (Примечание Бакунина.))

Муравьеву было без сомнения приятнее населить с первого раза Амур вольными поселенцами, да где же их было взять? В старину лихие казаки без спроса и даже без ведома начальства сами открыли, овладели Амуром, построили на нем город Албазин. С тех пор русский народ, связанный впродолжение веков, потерял всякую инициативу, всякую способность к движению; уничтожение нынешнего крепостного и полицейского порядка без сомнения возвратит ему утраченную жизнь, но до тех пор ждать было невозможно и за недостатком народной инициативы должно было прибегнуть к правительственной. Для занятия Амура, для учреждения на нем постоянного сообщения, для окончательного его присвоения надо было прибегнуть к системе принужденной колонизации посредством казаков. По требованию Муравьева император Николай отдал 40.000 своих крестьян и утвердил образование Забайкальского края. От 1851 до 1854 года все время было употреблено на собирание известий об Амуре, на устройство нового края и на приготовления к Амурской экспедиции, которая была наконец разрешена, несмотря на противодействие всего Петербурга, в 1854 году благодаря разрыву с Англией, раздражить которую появлением своим на Амуре мы пока боялись.

Итак 9 мая 1854 года состоялась первая экспедиция из 380 солдат и казаков вниз по Амуру под предводительством самого Муравьева. В Айгуне, китайской губернаторской резиденции, немного пониже нынешнего Благовещенска и где была сосредоточена далеко превосходная военная сила, его хотели задержать. но он продрался далее и через Николаевск, Татарский пролив и Охотское море отправил 380 человек в Камчатку довольно

вовремя, чтобы отстоять ее против англичан, сам же в сентябре месяце отправился в Аян, а оттуда в Иркутск через Якутскую область вполовину на собаках, вполовину верхом. В 1855 году в конце апреля он предпринял вторую экспедицию вниз по Амуру уже с 5.000 войска, с угрозой пробился сквозь Айгун, и когда англичане явились в залив де-Кастри, они нашли его, по словам английского корреспондента "Times" - "herisse d'hommes et de canons" (Газета "Таймс", "Ощетинившимся людьми и пушками"). В этом же году перевезено вниз по Амуру первое вольное население, занявшее оба берега Амура близ Нико-лаевска. В 1856 году состоялся несчастный обратный поход 1.300 человек войска из Николаевска в Забайкалье, причем в самом деле от голода, холода и болезней погибло около 300 человек. Я знаю, этот факт был сильно раскритикован в "Колоколе", но, любезные друзья, где ж справедливость? И разве вы не знаете, сколько англичан погибло в Афганистане и северных американцев в военных экспедициях в западных равнинах и по Скалистым горам? Что ж касается до несправедливой награды главного виновника этой катастрофы, майора Облеухова 17, то это явная клевета, ибо он и теперь живет в полной немилости и горько жалуется на свою судьбу в Иркутске.

С 1857 года началась регулярная колонизация Амура казаками. Первые поселения были без сомнения невольные, это была необходимая жертва, принесенная амурскому делу, и жертва гораздо более в воображении, чем в действительности. Принимаются во-первых всевозможные меры, чтобы переселенцы были доставлены целы и невредимы со всем имуществом на место своего назначения, и все предпринятые до сих пор переселения были за весьма редкими исключениями удачны. Без административных ошибок и сопряженных с ними частных страданий, при недостаточной степени образования, умения и добросовестности в русских исполнителях вообще, такое трудное дело, каково население нового, совершенно пустынного края, разумеется, обойтись не может; но этих ошибок в сравнении с тем, что происходит даже внутри России при переселении народа из одной губернии в другую, было очень, очень мало, и эти страдания никак уже не могут идти в уровень с тем, что переносили северо-американские колонисты, поселявшиеся на болотистых берегах Миссисипи и Арканзаса. Амурские казаки поселены на местах привольных, здоровых, изумительно плодородных. В доказательство здорового климата приведу только одно обстоятельство: относительная смертность на Амуре менее, чем в самом Забайкалье, менее, чем в Иркутской губернии. Правда, что в первый год поселения некоторые места оказались несовсем здоровыми для скота, в иных падали кони, в других слепли бараны, в третьих телята родились без шерсти, но все эти странности, в которых известная сибирская и еще более известная забайкальская лень и распушенность принимали участие немалое, слава богу кончились с первым годом.

Скот скоро освоился с Амуром, а люди живут на нем припеваючи; да- иначе и быть не могло; обеспеченные полным двухгодовым содержанием, т. е. мукою, мясом, солью, крупую и спиртом, даже кирпичным чаем, без которого сибиряк жить не может, равно как и всеми необходимыми инструментами для земледелия и для постройки домов - все это выдает им казна безвозмездно, - они без всякой заботы о будущей зиме и даже о целом будущем годе могли в одно лето поставить себе дома и приготовить землю для пашни, так что на будущий год, еще вполне обеспеченный им правительством, они могли бы даже продовольствовать сами себя, если бы не сибирская лень и не казачья беспечность. И несмотря на эту лень и на эту беспечность, большая часть казачьих поселений производят уже так много хлеба, что

могут уделить часть на торговлю. Прибавьте к тому, что все амурские казаки навсегда избавлены от всех податей и сборов и на два года со времени поселения и от всякой службы. Казаки для населения Амура назначаются по жребию; впрочем им предоставлено право поставить за себя охотников, что им обходится каждый год дешевле, ибо число охотников на Амур увеличивается с каждым годом, - опять доказательство, что на Амуре жить не худо. Таким образом от 1857 по 1861 год будет населено казаками на Амуре до 60, а на Ус[с]ури | до] 33 пунктов, всего 3.200 казачьих семейств, около 15.000 мужских и женских душ. В 1861 году отправится последняя казачья колония, состоящая из 600 семейств и 3.000 душ. Тем окончится для забайкальских казаков жертва людьми, жертва, которая оказывается уже на второй год благоденствием для новых поселенцев.

Теперь остановимся на минуту и посмотрим, что сделал Муравьев от 1854 года, со времени первой экспедиции на Амур, до 1859 года включительно. Он сделал лично две экспедиции, благодаря которым он мог отстоять Камчатку и залив де-Кастри против англичан. Я позабыл сказать, что в 1855 году, когда флотилии графа Путятина удалось скрыться в устье Амура от преследования англичан и французов, блокировавших и устье Амура и весь Татарский залив, Муравьев, которому было необходимо вернуться в Иркутск, успел со счастьем, ознаменовавшим большую часть его предприятий, пробраться на зафрахтованном американском судне сквозь весь английский флот благодаря туманам и своей истинно геройской смелости в Аян, а оттуда, равно как и в первый раз, возвратился в Иркутск через Якутскую область верхом, на собаках, на оленях и только последние 1.500 верст в возке.

С тех пор он почти каждый год предпринимал поездки на Амур. В 1857 году провожал вниз по Амуру графа Путятина, в 1858 заключил Айгунский трактат, в силу которого Китай уступает нам весь левый берег Амура, оставляя себе правый берег до впадения в Амур реки Уссури, правый же берег Амура от Уссури до Тихого океана оставляет в неопределенности до будущего разграничения, что мы растолковали так, что фактически заняли весь Уссурийский край, целое царство и благодатное царство, - от Амура на севере до Кореи на юге. В 1859 году Муравьев отправился из Николаевска в Печелийский залив, а оттуда в Японию, с которою у него идут переговоры об острове Сахалине, южную часть которого гр. Путятин трактатом, заключенным с ними в 1857 году, уступил им без всякой надобности, даже без всякого требования с их стороны. Переговоры опять окончились фактом, т. е. занятием всего Сахалина двумя или тремя ротами.

Вот вам, милые друзья, самые верные подробности об амурском деле. И когда подумаешь, что такое громадное дело, каково присвоение огромного края и первое население каких-нибудь 4.000 верст, совершенное в продолжение 6 лет от 1854 по 1859 год включительно, - население степей и лесов, чрезвычайно богатых в возможности, но в действительности еще совершенно пустынных, администрация вновь приобретенного края, его продовольствие, все дипломатические и чрезвычайные издержки, постройка барж, сооружение и содержание пароходов, все сплавы, военные экспедиции, не исключая даже защиты наших берегов на Тихом океане против англичан и французов, - когда подумаешь, что на все это издержано до 1859 года включительно не более 540.000 р. сер., взятых даже не у министра финансов, а из экономических сумм управления Восточной Сибирью, тогда, неправда ли, друзья, скажешь невольно, что другого такого примера нет, по крайней мере в нашей истории. Не уменьшая славы Барятинского, покорителя Кавказа 19, знаете ли, сколько

употреблено им денег от 1856 года, со времени его назначения до 1859 года включительно, денег, взятых прямо из государственного казначейства? Около 28 миллионов рублей сер. Сравните и произнесите свой суд.

Но, говорит Завалишин, "не казна, а Забайкальский край поплатился за Амур, он разорен, он погибает". Но это утверждение, ни на чем не основанное, странно противоречит факту всем известному, кто только был в Забайкалье, а именно значительному умножению производимого хлеба, скота и привозимых в Забайкалье потребляемых товаров. Прежде некуда было девать хлеба, а теперь он в огромных количествах покупается казною для Амура; прежде руки оставались без работы, а теперь в летнее рабочее время плохой работник может заработать рубль сер. и более в день. Прежде продуктов было довольно, но денег не было совсем в Забайкалье, а теперь в нем обращаются ежегодно значительные суммы, так что вы найдете деньги в каждой деревне. Кроме продовольствия Амура в Забайкалье ежегодно закупается снабжение всех судов в Тихом океане. Прежде забайкальские женщины ходили в грубом полотне, а теперь одеваются нередко по-немецки ситцевыми и шелковыми материями. Прежде Забайкалье по откупам считалось самою бедною областью, а теперь оно стало выше Иркутской губернии, - верный признак, что народ богатеет, потому что к несчастью во всем русском царстве, где только существует откупная система, все лишние и даже не лишние деньги народа идут в кабаки. Нет сомнения, что Забайкалье принесло жертвы Амуру, но эти- жертвы не истощили, а только расшевелили его и будут возвращены ему с лихвою в самое скорое время. Теперь уже оживляется оно каждое лето все возрастающим движением на Амур и обратно, с каждым годом появляются вновь фабрики и заводы мясосольные, мыльные, свечные, кожевенные, стеклянные, о которых прежде не было и в помине, и скоро придет время, когда в голодные годы, периодически возвращающиеся в Забайкальском крае через несколько лет вследствие засухи, он будет получать на (По-видимому в оригинале вместо "на" стоит какое-то другое слово ("я" или "все").) свое хлебное продовольствие с Амура.

Теперь скажу несколько слов о предположениях Муравьева касательно окончательного заселения Амура. Какие-нибудь 8 - 10 тысяч казаков не могут его наполнить, и устройство казачьих станиц не могло иметь другой цели как необходимое очищение места и дороги для будущего серьезного населения. В 1858 году Муравьев подал проект заселения Амура, основанный на следующих началах: во-первых, на Амур вызывались люди всех сословий, преимущественно же крестьяне казенные, удельные или помещичьи с тем условием, что лишь только кто из них объявит желание переселиться на Амур, он немедленно освобождается от всех обязательств и повинностей и становится вполне свободным человеком. Переселяться он должен на свой собственный счет (на путь ссуда из особых капиталов и хлебных магазинов); на Амуре ему дается земля на 20 лет в полное владение с освобождением его на это время от всяких сборов, служб и повинностей. Целые общины получают землю в вечное владение, но не в собственность, право которой исключительно предоставлено государству. Когда Муравьев писал свой проект, он был еще (У Драгоманом напечатано "ему".) решительным врагом собственности и говорил: "Je ne suis pas encore certain que la propriete ne soit un vol" ("Я еще не уверился в том, что собственность не кража"). В этом году он уступил явной необходимости и скрепя сердце согласился на признание прав собственности на Амуре, предоставляя каждому покупать сколько ему будет угодно земли по 10 руб. сер. за десятину; лицам же или общинам, которые захотят

пользоваться землею на правах владения, предоставить ее на 20 лет, с тем, чтобы по прошествии оных они бы сохранили право первых покупателей, причем в первые 20 лет поселенцы освобождаются от всяких повинностей.

Не знаю, какова будет судьба этого проекта, но первый был отвергнут в Сибирском комитете, и первым его противником был министр государственных и удельных крестьян Муравьев вешающий²⁰. Взамен его, согласившись с министром финансов, [он] предложил следующее: государство ежегодно жертвует 100.000 р[ублей], на которые около 300 семейств из крестьян [ведомства] государст[венных] имуществ будут ежегодно переселяться на Амур не по собственному желанию, а по назначению министра. Многие крестьянские общины в разных губерниях вызывались охотно к переселению, но получили от министра отказ, равно как 1.000 менонитских семей из Саратовской губернии, которые в 1859 году посылали уж депутатов на Амур с поручением осмотреть и выбрать землю. Только сибирским крестьянам предоставлено право вольного переселения, но сибирским крестьянам и в Сибири привольно. Так называемые вольные переселения государственных крестьян, назначаемых министром, начались только с нынешнего года; их переселено в лето 230 семей, около 1.600 душ. Кроме того, высочайше назначены для переселения в Восточную Сибирь 12.000 штрафных солдат с женами и без оных, из которых прибыло по сие время в Восточную Сибирь 8.000 человек; поселены в Байкальской области 6.000 взамен отбывших казаков и до 2.000 на Амуре. Прибавьте к этому около 900 человек каторжных, освобожденных Муравьевым из разных казенных заводов, и вы будете иметь приблизительно верный счет нынешнего амурского и уссурийского населения: без регулярных войск около а с ними около душ (Пропуски в подлиннике. (Примечание М. Драгоманова.).).

Замечательно, что штрафные ведут себя отличным образом на Амуре, что в станицах, между которыми они распределены. нет ни большого воровства, ни грабежа, ни разбоя,- доказательство, что их никто .не притесняет, что им жить привольно и хорошо; доброе их поведение должно также отчасти приписать совершенному отсутствию кабаков на Амуре, откуда по высочайше утвержденному предложению Муравьева откуп исключен на вечные времена. Правда, что амурские жители, а именно соседние к манджурским деревням напиваются нередко манджурскою водкою, но не в водке главная сила, а в кабаках, которые систематически развивают пьянство в народе. По этому случаю, для того чтобы еще лучше выяснить вам направление Муравьева, посылаю вам статью об откупе, перепечатанную в 1859 году "Русским Вестником" из "Иркутских Ведомостей", статью, написанную политическим преступником Спешневым под диктовку Муравьева по следующему случаю: Бенардаки, держащий откуп всей Восточной Сибири, попытался было распространить его и на Амур, но обжегся и как громом был поражен печатным словом Муравьева. А должно вам сказать, что редко [кто] так хорошо, ясно, сжато и энергически пишет, как он. Его слог - [слог] человека действующего, а не литератора.

В предположениях Муравьева главною заманкою на Амур будет свобода, особенно же религиозная свобода. Муравьев, натура революционная, как диктатор может жертвовать иногда частным благом и даже частною волею для общего блага и для общей свободы. Но он - и по инстинкту и по убеждению отъявленный враг всякого притеснения; il a la religion de l'humanite, du mouvement historique des peuples, une religion a laquelle pour votre part vous

avez; rononct comme a toutes les autres, mais il n'en a pas d'autre-il est plutot athee que chretien, et il professe et il exige en fait de religions et d'opinions une tolerance alsolue ("Он исповедует религию человечества, исторического движения Народов, религию, которую вы с своей стороны отвергли, как и все прочие, но другой у него нет, он скорее атеист, чем христианин, и в области религий и мнений он держится и требует неограниченной терпимости".).

Вследствие этого он - первый друг и покровитель раскольников, против всех поповских и земских притеснений и надеется, что полная свобода верований на Амуре притянет туда много раскольников, а раскольники - самый полезный, деятельный и богатый народ в Сибири.

Этим покончу свою болтовню об Амуре. Для пополнения сведений прилагаю статью Антонова (полит[ического] преступ[ника] поляка Вебера) в "Иркутских Ведомостях", весьма дельную, составленную с большим знанием дела, хотя и плохо написанную; да еще статью Карпова (в газете "Амур"21), написанную слишком ругательно, но, тем не менее, интересную для характеристики Завалишина: и наконец печатные сведения о движении пароходства и торговли на Амуре за нынешний год, причем замечу, что Муравьев, безусловный поборник торговой, как и всякой другой свободы, всеми силами поощрял начинания американцев и вообще иностранцев на Амуре, что сильно не нравится сибирскому купечеству. Прилагаю вам также в подарок карту вновь приобретенного края.

2-ю заслугою Муравьева должно признать его обращение с декабристами и вообще с политическими преступниками, поляками и русскими. Должно отдать справедливость Сибири: при всех недостатках, укоренившихся в ней от постоянного наплыва разных часто весьма нечистых элементов, как то бесчестья, эгоизма, скрытности, взаимного недоверия, она отличается какою-то особенною широтою сердца и мысли, истинным великодушием в отношении к политическим и даже ко всем преступникам. В сибиряке нет предрассудков, он не грешит ни чрезмерным любопытством, ни излишнею деликатностью, ни злопамятством, и от всякого сосланного, что бы он ни сделал в России, зависит честным и главное умным поведением поставить себя на почетную ногу. Сибиряки, народ умный, дураков не терпят и прощают скорее подлость, чем глупость. Подлостью, злостью и какою бы то ни было нравственною мерзостью сибиряка не удивишь, он так много видал их в своей жизни. Но политические преступники еще с давних времен, я думаю со времен Меншикова и Миниха 22, пользуются особым почетом в Сибири. Немало к тому способствовало в последнее время благородное влияние декабристов, так высоко себя поставивших в Сибири, равно как и не менее благородное влияние польских политических преступников, еще в гораздо большем количестве разбросанных по сибирским пустыням.

Такое общее расположение сибиряков к политическим и государственным преступникам не могло остаться без влияния и на начальство. Случались, правда, довольно часто разные официальные мерзости, - ведь русское начальство, еще более вороватое в Сибири, чем в самой России, не может же изменить своему коренному характеру, - но вообще должно оказать, что редко когда соблюдаются во всей строгости предписания драконо-русского закона в отношении к политическим ссыльным и каторжным. Более всего страдали они от произвола, капризов, привязок местных начальников. Нередко произвол этот доходил до оскорбления и до жестокости. Так напр[имер] какой-то плац-майор омской крепости,

которого я позабыл фамилию и который судится еще до сих пор в Тобольске, поступал самым оскорбительным и жестоким образом с поляками, содержащимися там на работах, - бил их палками и заставлял при страшных морозах чистить нужники. Не знаю я таких примеров в Восточной Сибири, но случались и здесь очень нехорошие вещи. Главная заслуга Муравьева состоит, во-первых, в том, что он поставил политических преступников в совершенную независимость от каких бы то ни было начальников, так что было опасным не только обидеть, но даже поссориться с политическим преступником. Муравьев по принципу и по расчету брал почти всегда сторону последнего, что в частности могло иногда оказаться неудобным, несправедливым, в целом же для достижения его цели, а именно для возвышения положения политических преступников в Сибири, было необходимо. Он не пропустил ни одного случая, чтобы поднять их в общественном мнении; им, полякам и русским, особенно же декабристам, он расточал постоянно самое деликатное внимание, все любезности свои, и все признаки глубочайшего уважения. И это в 1848 году, при Николае, когда николаевская свирепая исступленность доходила до последних границ. Мало того, что он значительно облегчил участь каждого, исполнял, сколько было возможно и даже когда было невозможно, желание каждого, в противность строжайшим предписаниям позволял им жить, где хотели, ходить, куда хотели, в Восточной Сибири, и заниматься, чем хотели, - он их приблизил к себе, стал принимать их у себя как самых почетных гостей, посещать их как самых близких друзей.

Послушайте, что говорит масса поляков, воротившихся недавно из Восточной Сибири на родину благодаря его же широкому, возможному и невозможному применению кривой и хромой, истиннонемецкой императорской амнистии. Они единогласно благословляют его и говорят, что он помирил их и с русскими и с фамилией Муравьева. Спросите у живых декабристов кроме Завалишина и Раевского 23. Все были и остаются друзьями, приверженцами, почитателями Муравьева.

Кстати поговорим о политических преступниках - врагах Муравьева: о Завалишине, Раевском, Петрашевском и Львове; других я не знаю, разве присоединить к ним полуполитического жидка Розенталя 24, и то только потому, что он также, как Петрашевский и Завалишин, пишет читанные нами здесь доносы в 3-е Отделение, а может быть, бог вас знает, корреспондирует и с "Колоколом". *A tout seigneur tout honneur* ("По заслугам и честь".) начну с Завалишина.

Когда меня отправляли из Шлиссельбургской крепости в Западную Сибирь в 1857 году, я прожил почти неделю в 3-м Отделении (Всего 3 дня: с 5 по 8 марта 1857 года.). Туда приходил ко мне всякий день брат Алексей, приехавший нарочно и живший в доме наших семейных друзей у Пушиных (У Драгоманова опечатка; сказано: "Кушиных".). Тут он познакомился и сблизился с только что возвратившимся из Сибири декабристом И. И. Пушиным 25. Иван Иванович послал мне через брата свое благословение и между другими местными рекомендациями заповедывал мне не знакомиться с Дмитрием Завалишиным ни с братом его 26: второй- отъявленный доносчик даже на брата, а первый-также доносчик, только действующий более искусно и тайно, повредивший всем много своими двусмысленными речами при допросах и бывший потом в Петровском замке, равно как и все время поселения в Сибири, язвою для всех декабристов. То же самое повторили мне в Сибири Басаргин, Фаленберг, По[д]жио, Бесчастный, М. А. Бестужев и Кюхельбекер 27. То

же самое услышал я от большинства и от лучших поляков, знавших Завалишина за Байкалом. Все единогласно описывали его как человека желчно-самолюбивого, завистливого, злого, не останавливающегося для достижения своекорыстных или самолюбивых целей ни перед ложью, ни перед клеветой. От декабристов в Иркутске я узнал следующий любезный фактик: в Петровском замке 28 он был в самом деле язвою для товарищей. Вы знаете, как дружно и свято жили там декабристы. Это была, может быть, самая лучшая эпоха их жизни, эпоха, в которой, очищенные страданием, чувством великой ответственности, взятой ими на себя перед целой Россией, они, может быть, впервые возвысились до нравственного сознания своего подвига. Потом, по выпуске их из Петровского замка, обыденная российская пошлость взяла свое, разъединенная жизнь без дела и без цели в пошлой обстановке, мелкие нужды, мелкие страсти спустили многих далеко ниже Петровского диапазона. На этой высоте немногие вполне удержались, но в Петровском замке все были равно велики и святы, все были равны: и умные и глупые, и образованные и невежи, и бедные и богатые. Они братски друг с другом делились всем; и мысли и чувства и материальные средства - все было общее между ними. В этой святой дружной семье завелась одна паршивая овца: Дмитрий Иринархович Завалишин. Он всем завидовал и всех равно ненавидел. Он сплетничал, наговаривал и старался ссорить их между собою. Он доносил, клеветал на всех доброму коменданту Лепарскому 29, и за то, что покойник его не слушал, он до сих пор его ненавидит. Я сам слышал, с каким презрением он о нем отзывается и как ругает благородного старика, память которого благословляется всеми декабристами. Наконец злость Завалишина доходила иногда до того, что, не зная чем отомстить досадившему ему товарищу, он зимою в 30 и более градусов мороза выбивал у него метко брошенным камешком стекла, что становилось тем более чувствительным, что не только в Петровском замке, но даже в самом Иркутске часто бывает трудно, а иногда и просто невозможно заменить разбитое стекло, так что наказанный должен был замазываться от мороза бумагою.

В июне 1859 года я лично познакомился с Завалишиным в Чите. Вообразите себе небольшого, сухенького, черненького необыкновенно подвижного старичка, замечательным образом сохранившегося, еще одаренного редкою, всеобнимающею, памятью и красноречием замечательным. Он говорит или, лучше сказать, кричит без умолку и всегда один, - терпеть не может, когда говорят другие. Голос его, визгливый и пронзительный, оглушит самое крепкое ухо. Он много читал, много заметил в жизни, читает и работает много теперь, несмотря на свои 60 или 65 лет, и умеет, кстати, припомнить прочитанное. Ум у него, от природы быстрый, находчивый, гибкий, теперь уж значительно постарел и как будто окаменел, он как будто весь истощился, беспрестанно повторяет себя и теряется в стереотипных фразах и изречениях; начинает забалтываться и теряться в мелочах как старая баба.

Через год или два и следа его не останется. Две страсти поддерживают и оживляют теперь его дряхлеющую старость: гигантское самолюбие, доходящее часто до ребячества, и в самом деле непомерная злость. Теперь вся эта злость обратилась против Муравьева. Отнимите вы у него ненависть к Муравьеву, и он умрет завтра же. Когда же расходится его самолюбие, то право слушаешь его с удивлением: он первый внушил Муравьеву мысль о присвоении Амура и научил его, как приступить к делу; пока Муравьев его слушал, все шло отлично; и все испортилось с тех пор, как он стал действовать наперекор ему. Не англичане

и не французы, он первый возымел мысль об электрическом телеграфе.

Он, Завалишин, один был душою, силою, мыслью декабрьского заговора, все же остальные были или честолюбцы без совести, без таланта, без воли, или дети, или просто невежи и дураки. Пестель 30 был умный честолюбец, без способности к действию, просто трус; Муравьев-Апостол 31-человек энергичный, но без головы; Рылеев 32- поэт-фантазер без твердости и без смысла. Но это еще ничего, к повешенным декабристам он, как видите, еще довольно милостив и все негодование и презрение свое преимущественно расточает товарищам петровского заключения. В этом отношении он сходится, как и во многих других, с Владимиром Федосеевичем Раевским, который в отместку того, что декабристы рекомендовали его Муравьеву как нечистого человека, не иначе называет их как "вифлеемскими побиенными младенцами". Года два или три тому назад Раевский и Завалишин были еще врагами, теперь благодаря общей ненависти к Муравьеву они стали друзьями.

Но откуда же эта непримиримая, до сумасшествия доходящая ненависть Завалишина к Муравьеву? Он был жестоко оскорблен им и в самолюбии и в кармане, а то и другое в нем равно чувствительно. Факты, которые я изложу вам теперь, разведаны мною на месте из самых верных источников, и я ручаюсь вам за них честным словом. Муравьев в первый раз посетил Читу в 1848 году; она была еще тогда простым горнозаводским селом, в ней был поселен Завалишин. Муравьев обошелся с ним с тем симпатическим уважением, какое он оказывал всем декабристам, нашел в нем человека умного и способного, тем более для него интересного, что Завалишин знал хорошо Забайкальский край, столь важный для его амурского предприятия, и кроме того как морской офицер сделал в первой половине двадцатых годов под командою Крузенштерна 33 кругосветное путешествие, плывал по Тихому океану и написал даже проект о присоединении Калифорнии к России. Муравьев не любит секретничать, он не важничает и не тешится игрою в государственные тайны. Весь занятый амурским предприятием, он передал свои предположения Завалишину. Дмитрий Иринархович ухватился за них с жаром, потому что увидел в них средство себя возвысить и сделать себя если не необходимым, [то] по крайней мере нужным человеком. Муравьев, всегда готовый учиться, слушал его замечания, основанные на знании края, с интересом. Итак, Муравьев и Завалишин были друг другом довольны; все шло ладно.

В 1851 году было приступлено к образованию Забайкальского края, и губернатором новой области был назначен генерал Запольский, человек николаевских времен, не лишенный ума и практических способностей, но еще более хитрый, чем умный, с широкою и весьма эластичною совестью, всегда готовою к услугам генеральского честолюбия. Приехав в Сибирь, он увидел, как Муравьев отличил декабристов; в Чите он заметил простые доверчивые отношения, существовавшие между Завалишиным и генерал-губернатором. Этого было достаточно, чтоб ограниченный, но ловкий генерал, по природе, привычкам, понятиям своим более способный гнать и давить, чем уважать декабристов, этого было вполне достаточно, чтобы он из николаевской собаки превратился в отчаянного либерала и сделался не только покровителем, но и страстным поклонником Завалишина. А Дмитрий Иринархович-человек не глупый; он сразу заметил главный недостаток новоприезжего губернатора, недостаток общий почти всем русским генералам: глупую надменность, самодовольствие и дикое мелкое тщеславие. В то время как Запольский искал его дружбы,

он стал бессовестно подличать, увиваться перед Запольским, стал громко восхищаться его умом, гуманностью, талантами. Для николаевского генерала положение совершенно новое и не лишенное прелести: не теряя ни одной кисточки из густых эпюлет, быть вместе и предметом восторга для декабриста. Они должны были сблизиться и сблизились. Завалишин довел свою угодливость до того, что *cum amore* ("С любовью", "охотно". Кстати у Драгоманова это выражение пишется то "*cum atoge*" (по-латински), то "*con amore*" (по-итальянски).) сделался лейб-медиком, собеседником, другом, лейб-полицмейстером губернатора,, его неразлучным лицом; он по праздникам в церкви расталкивал перед ним православный народ и собственноручно подстилал коврик под драгоценные превосходительские ножи. Ну, как не любить такого человека? И человек опасный, либерал, Брут в некотором смысле, а вместе и так почтителен и даже услужлив: сам подстилает коврики. Столько преданности не могло остаться без вознаграждения: Завалишин сделался всемогущим в Чите, без него ничего не предпринималось и не делалось; он раздавал льготы, места, милость и гнев губернатора, и раздавал их не даром, а за деньги, это положительно справедливо.

В это время производилось преобразование Забайкальского края в видах присвоения Амура, преобразование по необходимости быстрое, решительное, поэтому не всегда согласное с частными выгодами и даже с частною справедливостью. Жертва частных интересов в пользу общего дела, в этом случае действительно необходимая, была естественным образом сопряжена со многими неудобствами, смягчить и сгладить которые могла только гуманность исполнителей. Но исполнителем был здесь зазорный, желчный, злопамятный и мстительный Завалишин, тогда не враг казачьей системы, но страстный приверженец и сотрудник *Cum amore* ("С любовью", "охотно". Кстати у Драгоманова это выражение пишется то "*cum atoge*" (по-латински), то "*con amore*" (по-итальянски).) обращения горнозаводских крестьян в казачье ведомство, а горнозаводского села Читы в столицу всего Забайкалья, Выбор Читы исключительно принадлежит Завалишину, он сам мне в лицо этим хвастался, и по моему мнению самый несчастный выбор, в чем начинает теперь сознаваться вполнину и сам Муравьев, утвердивший его тогда по нерасположению к горнозаводскому городу Нерчинску. Сретенск делается без сомнения в непродолжительное время естественною столицей Забайкалья как пункт, где прекращается серьезное пароходство на Шилке, поэтому соединяющий Амур с Забайкальем, Чита же как искусственный город держится теперь сосредоточенною в ней администрацией и вряд ли возживет когда собственными средствами. Нужно было, - но нужно ли в самом деле, право не знаю и до сих пор в этом сильно сомневаюсь, - нужно было выгнать из нового губернского города новых казаков, заставить их продать дома, движимые имущества, привлечь в него мещан предоставлением им разных льгот. Все это дело сосредоточилось в руках Завалишина и было поведено самым скверным, несправедливым, жестоким образом. Декабрист Завалишин заважничался и зазнался как самый пошлый русский начальник. *Alter ego* ("Второй я", "двойник", "наперсник".), друг губернатора, доверенный его задушевных мыслей, он заставил дрожать перед собою всех жителей Читы от чиновников до последнего казака, и горе тем, которые его обидели в бывшие времена, когда он был еще беспомощным поселенцем, горе тем, которые теперь не преклонялись перед его могуществом. Перед ним, полицмейстером *Con amore* (По охоте, добровольный.), настоящий полицмейстер не смел надеть шапки, а одного артиллер[ийского] солдата, которого я видел в Чите, высекли по приказанию Запольского единственно только за то, что он не снял шапки перед

Завалишиным. В Париже как-то Анненков (Павел Васильевич.) меня уверял, что подкупность и взяточничество заменяют в России конституцию, что без них было бы невозможно жить в России; в этом смысле и Завалишин был конституционным монархом: старые и новые грехи против него выкупались деньгами. В это время процветали его домашние интересы, но зато все Забайкалье "завыло, и гул жалоб достиг наконец до слуха Муравьева.

Николай Николаевич долго не принимал их, он не хотел верить, чтобы декабрист, и к тому же из умных, мог поступать таким образом. Наконец он должен был убедиться и, не желая явным образом признавать вины декабриста, не желая гнать его из места, в котором у него был выстроен дом, обзаведено разнородное хозяйство, и где жило его семейство (Завалишин женился в Чите), он решился отстранить Запольского, подавшего вследствие того в отставку в 1855 году. А Завалишину было объявлено под рукою через товарищей-декабристов, впрочем прямо от имени Муравьева, чтоб он не шевелился и не смел отныне принимать ни малейшего прямого или косвенного участия в делах.

В 1856 году Михаил Семенович Корсаков³⁴, двоюродный брат и в настоящем смысле этого слова ученик, воспитанник Муравьева, ныне назначенный ему наследовать во всей Восточной Сибири, молодой человек, умный, деятельный, благородный, хотя и далеко не такой орел, как Муравьев, вступив в должность областного губернатора и атамана забайкальских казаков, приехал в Читу. В это время бежал от Завалишина казак, произвольно отданный ему в услужение генералом Запольским. Завалишин-нестерпимый деспот в семействе; покойная жена его, рассказывают, умерла от страха, им наведенного, а сестры ее и вся прислуга их дрожат от одного голоса Завалишина. Таким образом, дрожал невольно впродолжение двух лет и несчастный казак, чуть не отданный в крепостное состояние. Лишь только Запольский был удален, казак бежал от Завалишина, и первая бумага, полученная Корсаковым на новом месте, содержала в себе жалобу Завалишина на казака, отданного ему в услужение Запольским, - так говорил политический преступник, бесправный поселенец, либерал Завалишин, - и требование, чтобы его к нему насильно возвратили. Разумеется, что его не послушали, и казак в угоду Завалишину не был лишен свободы. Я сам читал эту просьбу Завалишина, хранящуюся под Но - ром в общем областном управлении.

Теперь понимаете вы, почему Завалишин ненавидит, этого мало, шипит злостью против Муравьева? Он был возвращен им в ничтожество. Но между тем не думайте, чтобы он с тех пор терпел какие-нибудь преследования. Еще раз повторяю, Муравьев благороден как рыцарь; личная месть-не в его характере, тем менее еще мелочная месть против беспомощного, хотя и злого старика. После появления его ядовитых статей в "Морском Сборнике" Корсаков отказал ему только от дома; он свободно двигает, обделывает свои дела и громко кричит в Чите, ругая Корсакова и Муравьева, имеет даже там свою партию отчасти из недовольных гениев-недоростков, отчасти из увлеченных молодых людей, и даже до сих пор в противность порядку, справедливости и законам продолжает пользоваться льготой, данною ему Запольским: один не вносит за свой дом военно-постоянной повинности. По моему мнению, такое неправильное снисхождение есть уже слабость, я заставил бы его покориться общему закону. Разумеется, он накричался бы, но мне до этого не было бы дела. Одним словом, кто хочет узнать Завалишина, пусть поговорит с читинскими мещанами или пусть отправится за 30 верст в станицу Атаманову, куда были

насильственно переселены читинские казаки. Там кроме проклятий его имени он ничего более не услышит: так умел дать им знать себя декабрист, демократ, либерал Завалишин.

Наконец для окончания его портрета прибавлю последнюю черту: он, равно как и Петрашевский и Розенталь, находится теперь под специальным покровительством 3-го Отделения, которому по словам самих князя Долгорукова и Тимашева 35 он еженедельно пишет доносы на всё и на всех. Я сам читал один такой донос, писанный рукою и подписанный именем Завалишина, - разумеется самый невинный, присланный из 3-го отделения в Иркутск Муравьеву: в нем Завалишин жалуется, что высшее начальство пыталось поджечь его дом в Чите 36. Больше не прибавлю ни слова, перехожу к товарищу его по уму и по злобе к Муравьеву, Раевскому.

Вы, вероятно, знаете, что он был взят год или два перед декабрьскою историей и после годового или двухгодового содержания в крепости был осужден на вечное поселение в Сибири вне всякого соприкосновения с декабристами, так что декабристы даже до сих пор не хотят признавать его своим в противность Муравьеву, утверждающему, что он принимал деятельное участие в заговоре. Как бы то ни было, Муравьев нашел его в полном раздоре со всеми декабристами и тщетно старался их примирить. Они называли его просто-напросто подлецом, а он их- "невинными" (Т. е. виффлеемские младенцы.). Раевский - очень, очень умный человек и в противность Завалишину он - не педант-теоретик-догматик, нет, он одарен одним из тех бойких и метких русских умов, которые прямо бьют в сердце предмета и называют вещи по имени. Он- с ног до головы практик, русский делец, счастливый во время оно, слишком счастливый в игре, теперь нашедший золотое дно в откупных делах, человек, в жизни много видевший, много испытывавший, много намотавший на ус, никогда, нигде не пропадающий, ничем не стесняющийся и везде умеющий отыскать свою пользу. Он - циник по душе, в сущности ничем не увлекающийся, но разговор его, остроумный, блестящий, едкий, в высшей степени увлекателен. Завалишин постарел, он - нет, его и теперь заслушаться можно.

Когда ж о вольности святой он говорит,
Каким-то демоном внушаем:
Глаза в крови, лицо горит,
Сам плачет, и мы все рыдаем.

Разговор его, как человека умного, наблюдательного, вертевшегося в высших и низших кружках, полон чрезвычайно интересных подробностей, обнимающих интересное время от 1812 по 1824 или [18] 23 год. К тому же он досконально знает Сибирь, сибирскую торговлю, промыслы, отношения, сибирское крестьянство, мещанство, купечество и чиновничество: это - самая живая и умная статистика Сибири. Такой человек, к тому же ловкий, умеющий подделаться под всякий тон, должен был привлечь на себя внимание Муравьева, который приблизил его к себе наперекор всем декабристам. К тому же в Раевском есть черта, резко отделяющая его от последних и весьма симпатичная для Муравьева: Раевский-по существу своему, как истый русский человек, с ног до головы демократ, демократ правда школы цинической, но все-таки демократ, если не по сердцу, исключительно принадлежащему к его-кратической (Себялюбивой.) партии, зато по уму, дельному, здоровому, не допускающему ни фикций, ни жалких примирений, совершенно русскому уму. По всему

образу мыслей он - демократ и социалист *quand meme* (Несмотря ни на что.), хотя в жизни, смотря по надобности и удобствам, он готов действовать и по всем другим направлениям. Того же нельзя сказать о большинстве декабристов: за весьма редкими исключениями они были и есть либералы, так что при всем признании превосходства Пестеля они до сих пор невольно косятся на него как на пророка русской и даже славянской демократии. Мало из них перешло за границу барского либерализма и русского патриотизма. В тысячу раз благороднее, чище, симпатичнее Раевского, большинство живших в Иркутске декабристов далеко отстали от него умом, дельностью мыслей, принадлежа инстинктивно к школе, которая почти исключительно преобладает ныне в русских журналах. Муравьев - страстный враг английской системы, парламентаризма, конституционализма, мысль о петербургской палате лордов его пугает, ему спать не дает: он - страстный, непримиримый, решительный демократ. Вот что особенно сблизило его с Раевским.

И должно признаться, что впродолжение многих лет Раевский имел нехорошее влияние на Муравьева, заставил его сделать много несправедливостей и ошибок. Когда Муравьев приехал генерал-губернатором в Восточную Сибирь, ему было всего только 39 лет. В России при бедности и медленности нашей жизни, теряющейся у лучших людей большею частью в теории, в эти лета человек еще очень молод, молод и неопытен. К тому же Муравьев - человек страстный, он ощущал потребность в умных советниках; он увлекся Раевским, горячо верил в него и под этим влиянием допустил себя до многих промахов. Теперь уже он совершенно не тот, теперь его надуть или увлечь очень, очень трудно. Теперь он в свою очередь увлекает людей, только к добру, к спасению России. Тогда было иначе, и вот впродолжение многих лет преобладало общее мнение в Сибири, что без согласия Раевского Муравьев не сделает ни малейшего шагу, и кто не угодил Раевскому, тот ни места получить (до сих пор главный интерес российской публики), ни на месте остаться не может,- мнение, разумеется, слишком преувеличенное, но все-таки не совсем лишнее основания. В 1857 году, убедившись в злости, своекорыстии, глубокой безнравственности и бессовестности всё ругающего демократа Раевского, Муравьев окончательно сбросил его с себя, и с тех пор началась непримиримая злоба Раевского к Муравьеву. И нет для меня сомнения, что прямо или косвенно эта злоба отзывается в вашем "Колоколе". Я позабыл сказать, что еще в 1856 году, когда составилась список политических преступников для амнистии, список, из которого его император[ское] величество собственноручно изволили вычеркнуть мое имя, - имя Раевского, как не-декабриста и сосланного кроме всего за какие-то денежные дела, в списке совсем не находилось, и что только по настоятельному требованию Муравьева его особым указом простили. Теперь обращаюсь к Петрашевскому 37.

Вы помните Головина? 38 Ну, Головин это-пристойный, умный, совестливый Петрашевский, а Петрашевский - цинический, бессовестный Головин на распашку. Только между ними есть разница: Головин-авантюрист и законник-аристократ, истинный *chevalier d'industrie, escroc et hableur de bonne maison* (Проходимец, мошенник и враль из хорошего дома.), Петрашевский - такой же грязный сутяжник, как и он, такой же законник и авантюрист, только под знаменем демократии. Ему душно в гостиной, и трактирная публика, составленная по преимуществу из потерянных сынков *de bonne maison* (Из хорошего дома.), неудавшихся литераторов, артистов, администраторов, юристов, а также, пожалуй, из вольноотпущенных или неотпущенных лакеев, - его среда, в которой он купается с такою же роскошью и так же натурально, как свинья в грязи. Это - просто свинья с человеческою

головою, циник по внутреннему призванию. А между тем замечательный человек, - он в самом деле человек беспокойный, друг движения, но какого движения! Он - далеко не революционер, не открытый боец, на это он неспособен, он-трус; и несмотря на трусость, он не может оставаться в покое; он интригует, пакостит, ссорит, даже отваживается на опасные вещи по неизбежному внутреннему стремлению, которое в нем сильнее даже самого страха. Он - неизлечимый законник и готов поссорить братьев, самых близких друзей, для того чтобы завести между ними тяжбу. Таким образом, во всех деревнях, куда он был ссылаем, во всех маленьких городах ему удавалось и до сих пор удастся перессорить всех жителей между собою. Ему есть дело до каждой грязной истории между лицами, ему совершенно незнакомыми, и он до тех пор не успокоится, пока не найдет в ней для себя роли. Как истинный художник, помимо всех личных видов, хотя он и далеко не пренебрегает ими, он любит шум для шума, скандал для скандала, грязь для грязи. Этот человек злопамятен и мстителен до крайности, но ничем не оскорбляется. Уличите его во лжи, в клевете, назовите его в глаза подлецом, поколотите его, он завтра же подаст вам руку и будет уверять вас в своем уважении и в своей симпатии, если это только покажется ему нужным. Мне случилось иметь с ним такие разговоры: "Вы говорили это про меня"? - "Говорил". - "Правда это"? - "Нет". - "Зачем же вы говорили"? - "Говорил, потому что это мне было нужно, теперь более не нужно", - прибавляет он с улыбкою, - "и обещаю вам, что говорить более не стану,-ну что ж, посердились, пора перестать". Я никогда в жизни не встречал еще такого отъявленного, бессовестного, откровенного циника. Он, в самом деле - недюжинный человек. Если бы у нас была революция, он без сомнения был бы маркизом de St.-Huruge 39 первых дней, так много в нем разных талантов для увлечения толпы, но в первых же днях он пропал бы в грязи, как и покойный St.-Huruge (У Драгоманова напечатано Hurugues вместо Huruge.) de bruillante et honteuse memoire ("Сент-Юрюж шумной и постыдной памяти".).

Впрочем, вся семья Петрашевского его достойна. Мать яростно ненавидит сына и вместе с дочерьми, его сестрами, пользуясь его политическим несчастным положением, обобрали его до последней нитки и ругают его публично, бесстыдно и беспощадно! Он разумеется, платит им тем же самым. Вы без сомнения знаете, что он получил значительное наследство от отца, воспитался в Царскосельском лицее, по выходе из него вступил в министерство иностранных дел, из которого должен был выйти, потому что не захотел расстаться со своею истинно великолепною бородою. Жил потом частным человеком в Петербурге и занимался СОП атоге (Охотно.) своими и чужими тяжбами. Я думаю, не было присутственного места, в котором, а часто и против которого он не имел бы дела. В России, земле бесправия, он помешался на праве. Но право-праву рознь; есть общечеловеческое право, которое везде и всегда отстаивать должно, но горячиться из права, основанного на положительных законах, там, где законы по коренному закону подчинены самодержавному и даже министерскому произволу, по моему мнению так же смешно и нелепо, как хлопотать о том, в двух или в одном виде должно принимать святое причастие там, где все христианство должно выбросить за борт. К тому же сутяжная честь во всех странах, по преимуществу же в России, имеет значительную темную, грязную сторону, от которой каждому хоть немного порядочному человеку становится гадко. Эту-то сторону по преимуществу любил и любит Петрашевский, который, ни во что не ставя ни свою честь, ни свою добрую славу, кажется, не имеет и тени понятия о том, что значит беречь неприкосновенность, чистоту своей личности. Передать вам все, что я слышал от него

самого о его подвигах а этом роде, было бы невозможно: одна история грязнее другой и, что страннее всего, он как будто и не подозревает грязности своих рассказов...

Таким образом протекла его жизнь до 1848 года. Между тем он не был чужд литературному и политическому движению времени, он читал без порядка и без руководящей мысли все возможное и подобно многим из наших современников нахватался разных кусочков из разных отраслей знания, составил себе мирозерцание очень похожее на пестрое платье арлекина, и, очень довольный собою, принимает еще до сих пор за истинное образование этот хаотический сброд неясных и неопределенных слухов о всевозможных теориях и фактах. В практике был он исключительно предан юриспруденции, в теории же сделался фурьеристом. Он был богат, хотя и скуп; вокруг него собиралось несколько молодых людей, большею частью из кадетских учителей и гвардейских офицеров, надорванных и недоученных, большею частью совершенно пустых, стремящихся, иные увлекаясь примером, другие более самостоятельно, не так из живого сердца. как из тупо-неопределенной фантазии, к чему-то, а главное к выходу из своего бедного положения, которым все были очень недовольны.

Между ними появлялись иногда и люди более замечательные, как например литератор Достоевский 40, не лишенный таланта, и мой приятель Эммануил Толь 41, воспитанник педагогического института и потом учитель в разных казенных заведениях, великолепное эксцентричное существо *d'une beaute monstrueuse* ("Чудовищной красоты"): маленький ростом, с огромною головою на бычачьей шее и на широких плечах, с огромным мыслящим лбом, уродливым носом, с толстыми мясоедными губами, с руками длиннее сажени, - и на этом монструозном лице выражение умное, доброе, в высшей степени привлекательное, улыбка такая, против которой устоять невозможно. Его любят дети, которых он обожает, и молодые девушки льнут к нему как птички под верную и темную крышу. Голова у него светлая, разумная, хотя немного и школьно-догматическая - плод его воспитания, - но, несмотря на это, далеко не упорная, способная принять всякую истину. Сердце золотое, благородное, чистое, неспособное ни к какой двусмысленности и совершенно чуждое эгоизму и тщеславию, Характер рыцарский, порывистый, то иногда женственно-мягкий, то буйно энергичный и смелый, неспособный, кажется, к постоянному делу и к выдержке. Когда же он выпьет, тогда становится он ужасным точно лютый разъяренный зверь. Шея у него короткая, толстая, а потому кровь легко бросается в голову. Я познакомился с ним в 1857 году в Томске, куда он был только что переселен из каторжного завода, и скоро сблизился с ним. Он жил в Томске уроками и был превосходным учителем, дети его обожали; и до сих пор жена моя, одна из его учениц, хранит о нем самую нежную память. Но он был худо окружен в Томске и предавался пьянству. В Сибири пьют страшно и пьют без затей простую водку. Я успел отвлечь его от пьянства и от худого общества, и мы впродолжение полугода до возвращения его в Россию жили как братья. Теперь он в Питере, где занимается литературою и уроками; я редко к нему пишу, потому что он болтлив и неосторожен до крайности, к тому же, одаренный критикою небольшою для распознавания людей, он к несчастью всегда окружен страшною сволочью. Но если б пришло до дела, я обратился бы прямо к нему, уверенный, что он будет одним из самых способных и честных деятелей, лишь бы кто-нибудь держал его в руках. От него я впервые услышал подробности о деле Петрашевского и рассказы о жизни, занятиях, действиях и личностях его кружка, рассказы самые достоверные и точные, во-первых, потому, что Толь не солжет, если бы

даже это было необходимо для опасения жизни его матери, которую он любит более всего на свете, а во-вторых, потому, что я нашел их такими, сравнив их потом с рассказами Петрашевского, Львова и Спешнева.

Итак, у Петрашевского собирались молодые люди, они толковали и спорили между собою о разных предметах, о которых все мало знали, но которые более или менее серьезно стремились уяснить и узнать. Впрочем они далеко не были недовольны собою и, мало сознавая свое незнание, с презрением смотрели на толпу и, не доучившись сами, хотели учить; в их предприятиях было истинно много детского. Таким образом в их головах родилась мысль о политическом словаре (помнишь, ты нам привозил его в Париж, Герцен?), который Петрашевский напечатал на свой счет и ловко успел посвятить вел. кн. Михаилу Павловичу 42. Казалось, дерзкий, головоломно-смелый поступок, достойный более серьезной цели, и что же? Петрашевский пресерьезно был уверен, что, раз пройдя через цензуру и покрытая именем Михаила Павловича, эта книжонка принесет ему значительный доход. Мне говорил это сам Петрашевский. Имя вел[икого] кн[язя] в самом деле спасло их от дальнейших преследований. Главною чертою всех этих господ было отчаянное резонерство. Резонерство является везде там, где самолюбие, тщеславие, претензии преобладают над серьезными стремлениями ума и сердца, где нет страсти, нет мысли. Поэтому-то мы, русские, - большею частью и такие отчаянные резонеры, толкуем с жаром обо всем, болтаем без умолку и ничем в действительности не интересуемся, так что не даем даже себе труда узнать сколько-нибудь положительно предметы, о которых толкуем. Петрашевский, пользуясь правом амфитриона и к тому же *raisonneur par excellence* ("Резонер по преимуществу"), царствовал между ними. Фигура у него цинически-достопочтенная, способная импонировать толпе, - одна черная борода чего стоит! Когда он горячится и врет, черные глаза так и блестят сквозь очки. Толкуя об всем на свете, они коснулись и политики и социальных вопросов, доходивших до них во французских брошюрах и книжках, и наконец положения России. Были жаркие споры, всевозможные направления и системы были тут представлены. Для удобнейшей разработки вопросов они согласились разделить между собою все предметы; каждый брал на себя исследование какого-нибудь вопроса, изучал его по возможности и читал потом о нем род лекций. Это делалось по очереди. Толь напр[имер] взял на себя богословие и педагогию, Петрашевский - политическую экономию и социализм, Львов - естественные науки и т. д. После лекций спорили, потом ужинали, веселились и пили. Таким образом, они составляли в действительности общество самое невинное, самое безобидное - удовлетворены были при малейшей доле серьезной любознательности большая доля тщеславия и еще большая русской потребности кутежа. Серьезной практической цели не было. Кроме Толя и потом Спешнева, явившегося позже, все были решительными, систематическими противниками революционных мер и действий, Они болтовню принимали за дело. Правда, коснулись они под конец и практического вопроса: "что будем мы делать?" Ответы на этот вопрос были различные, один нелепее другого, и, наконец, они остановились на следующем: все члены кружка останутся тесно между собою соединенными и во-первых будут *quand tème* (Во что бы то ни стало.) поддерживать в жизни друг друга, так что например все будут в один голос кричать, что Петрашевский - первый экономист в мире, выше Fourier, St.-Simon'a (Фурье, Сен-Симона.), и Адама Смита, что Шекспир Достоевского подметок не стоит, что Львов заткнул за пояс Гумбольдта, а Толь - первый богослов и педагог в мире; а во-вторых, они рассеются по всем концам России и, отыскивая везде сотрудников себе и помощников, займутся радикальным преобразованием

России посредством распространения новейших дознанных истин.

В 1848 году, в первых порах западной революции, прибыл к ним Спешнев, человек замечательный во многих отношениях: умен, богат, образован, хорош собою, наружности самой благородной, далеко не отталкивающей, хотя и спокойно холодной, вселяющей доверие, как всякая спокойная сила, джентльмен с ног до головы. Мужчины не могут им увлекаться, он слишком бесстрастен и, удовлетворенный собой и в себе, кажется не требует ничьей любви; но зато женщины, молодые и старые, замужние и незамужние, были и, пожалуй, если он захочет, будут от него без ума. Женщинам не противно маленькое шарлатанство, а Спешнев очень эффектен: он особенно хорошо облекается мантией многодумной спокойной непроницаемости. История его молодости - целый роман. Едва вышел он из лица, как встретился с молодою, прекрасною полькою, которая оставила для него и мужа и детей, увлекла его за собой за границу, родила ему сына, потом стала ревновать его и в припадке ревности отравилась. Какие следы оставило это происшествие в его сердце, не знаю, он никогда не говорил со мною об этом. Знаю только, что оно немало способствовало к возвышению его ценности в глазах женского пола, окружив его прекрасную голову грустно-романтичным ореолом. В 1846 году он слыл львом иностранного, особливо же польско-русского дрезденского общества. Я знаю все эти подробности от покойной приятельницы моей Елизаветы Петровны Языковой 43 и от дочери ее; и матушка и дочки и все их приятельницы, даже одна 70-летняя польская графиня, были в него влюблены. Другом, неразлучным его сеидом, был блондин-шарлатан Эдмонд Хоецкий 44. Но не одни дамы, - молодые поляки, преимущественно аристократической партии Чарторижского (Адама.), были от него без ума, так что еще за границу было мне интересно с ним познакомиться, и я старался собрать о нем всевозможные сведения. Встретился же я с ним лично в Иркутске в 1859 году. Он жил тогда со Львовым и Петрашевским. Еще прежде слышал я о нем в Сибири, во-первых, от Толя; еще же более от поляков, возвращавшихся в 1857 и 1858 годах из нерчинских рудников и поселений на родину. Все отзывались о нем с большим уважением, хотя и без всякой симпатии, в то время как о других говорили с плечепожимательным сожалением, а о Петрашевском просто с презрением.

Замечательно, что весь этот кружок, исключая впрочем Толя, но никак не исключая даже и Спешнева, терпеть не может поляков. Они все отвечали холодностью на жаркий, братский польский прием. Холодность эта еще более усилилась, когда начались разговоры: русские молодые люди с широким размахом русской, ничем не связанной мысли, явились атеистами, социалистами, "гуманистам" в фанатически-тесную польскую среду. Должно вам оказать, что именно в нерчинских заводах, несмотря на то, что туда было сослано [много] наиболее умных, талантливых, замечательных и по характеру и по сердцу поляков, а может быть именно и потому, польско-католический фанатизм дошел до своего крайнего развития. Основателем нерчинского польского круга был поляк Эренберг⁴⁵. Он придал всему направлению вместе с ним потом сосланных соотечественников тот мечтательно-экзальтированный, мистически-патриотический характер, который в начале своем был гораздо шире и богаче содержанием, впоследствии же сократился и стеснился в безвыходно узкий, польский, католический фанатизм.

Как староверы-евреи, которые убеждены, что они не оттого гибнут, что они остаются евреями, а что они - еще слишком мало евреи, так и они уверили себя, что не католицизм и

не еврейско-польская исключительность, а недостаток католичества и национальной исключительности их погубили. Не станем слишком винить поляков, будем сожалеть о них. К тому же и не нам, русским, их винить. Мы нашими руками закрыли все польские университеты и школы, отняли у них все средства к образованию. Мы, наступив на них ногою и продав их частью немцам, повергли их в отчаянное положение, в котором вредная национальная *idée fixe* (Навязчивые мысли.), болезненное, раздражительное, безвыходное саморефлектирование сделалось таким естественным, необходимым, хотя и пагубным явлением. Только тот здоров и умен и силен, кто умел позабыть о себе. Думать, заботиться, болеть о себе есть несомненное право поляков: национальность, равно как и личность, как даже процесс жизни, пищеварения, дыхания, только тогда вправе заниматься собою, когда ее отрицают. Поэтому поляки, итальянцы, венгерцы, все угнетенные славянские народы очень естественно я с полным правом выставляют вперед принцип национальности и, может быть, по той же самой причине мы, русские, так мало и хлопочем о своей национальности и так охотно забываем ее в высших вопросах. Тем не менее, это право есть вместе и болезнь, вредная, опасная болезнь. Заговорите с поляком о Gothe (Гете.), он сейчас окажет вам: "а у нас-то каков поэт Мицкевич!", о Гегеле - они запоют вам о великом польском философе Трентовском, великом философе-экономисте Цешковском 46. Их губит болезненное народное тщеславие, бедное утешение в их практическом положении. Вместо того, чтобы смотреть вперед, они смотрят назад, где кроме смерти ничего не найдут; вместо того чтобы возобновить свою национальную жизнь в общении с мировой жизнью, они отделяются от нее как жида и хвастаются каким-то мессианским призванием. Это жидовство их погубит, если мы, славяне, и, прежде всего мы, русские, не вырвем их из болезненного самосозерцания. Опять говорю: как именно русские, мы обязаны в отношении к ним к особенной снисходительности и к терпению; хотя они, не хотят, мы должны для нашего обоюдного спасения помириться, побратоваться.

15 ноября. Красноярск.

Любезные друзья, я должен теперь расстаться с вами: взявшийся доставить вам это письмо нечаянно приехал сюда и сейчас отъезжает. Итак, продолжение впредь и, надеюсь, в короткое время. Мне кажется, я сказал уже довольно для того, чтобы приостановить нападения ваши против Муравьева-Амурского и поколебать хоть несколько слепую веру вашу в его врагов. Убедитесь ли вы моими словами или нет, будет зависеть от степени веры, которой вы будете считать меня достойным; я по крайней мере исполнил свою обязанность в отношении к вам и к истине и ухвачусь за ближайшую возможность исполнить ее до конца, т. е. прислать вам окончание письма. А говорить остается мне еще о многом: докончить характеристику Петрашевского и товарищей и потом рассказать вам, что сделал Муравьев для восточ[но-]сибирских крестьян, для ссыльно-каторжных, для поселенцев, для рабочих на золотых промыслах, особенно для раскольников, которых он называет своими друзьями, потом объяснить вам его отношения с Петербургом и дать вам почувствовать, как больно было ему (больнее всего остального), что вы, которых он так глубоко уважает, деятельности которых он так горячо симпатизирует и которых считает своими друзьями, выступили против него как враги. Наконец должен рассказать вам и о себе. Пришлю вам также свой портрет и портрет жены с письмом для милого и неизменного друга моего Рейхеля (Адольф). А теперь, друзья или враги, прощайте. Авось встретимся еще в России.

Ваш неизменный
М. Бакунин.

Нужно ли мне говорить, что это письмо, так сильно компрометирующее Муравьева перед 3-м Отделением, должно быть только прочитано вами, друзья, т. е. Герценом или Огаревым, а потом или уничтожено, или так спрятано, чтобы его сам черт не мог отыскать? В этом отношении, как и во всех других, я совершенно полагаюсь на вашу честь.

Комментарий

Но 610.-Напечатано впервые в переписке Бакунина с Герценом и Огаревым, изданной в чрезвычайно неряшливом виде М. П. Драгомановым ("Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву", Женева, 1896, No 1). Оригинал хранится в герценовском архиве в Лозанне и пока не доступен советским исследователям, так что по отношению к атому, равно как и к другим письмам Бакунина к Герцену и Огареву приходится довольствоваться тем местами явно неправильным текстом, который дается у Драгоманова, исправляя его лишь в самых редких случаях, если по счастливой оказии где-либо сохранился в том или ином виде (копия, перевод) тот же документ. Нечего говорить о том, что Драгоманов, плохо знакомый с тогдашним рабочим движением и с фактами тогдашней революционной борьбы, часто путал даты писем и документов, искажал имена и т. п. В своем месте мы укажем эти ошибки Драгоманова, нами исправленные по другим источникам.

Эти письма Бакунина к Герцену от 7-15 ноября 1860 г.. Ответ "Колоколу" от 1 декабря 1860 г. и письмо от 8 декабря 1860 г., равно как недошедшее до Герцена письмо от весны 1860 г., были вызваны желанием Бакунина защитить Муравьева-Амурского от нападков "Колокола" за допущенные им произвольные по отношению к обывателям и политическим ссыльным действия. Мы знаем, какую роль Муравьев сыграл в жизни Бакунина. Не довольствуясь тем, что вырвал его из томского захолустья, Муравьев упорно старался добиться полного освобождения Бакунина. Так 10 октября 1860 г., за несколько дней до составления Бакуниным письма к Герцену от 7-15 ноября (которое вероятно составлялось ими обоими вместе), Муравьев в письме к шефу жандармов, высказываясь против предоставления каких-либо льгот своему врагу Д. Завалишину, повторяет свою просьбу о помиловании Бакунина, присовокупляя, что один Бакунин "не пишет никому ложных доносов или дерзких просьб, которых ... высшее правительство терпеть не должно и которые ни в каком случае не составляют услуги правительству" ("Дело", ч. III, л. 87). Если верить этим словам (а Бакунин и Муравьев употребляли этот термин в слишком расширительном смысле), то выходит, что манера писать доносы в Третье Отделение была тогда распространена и среди некоторых ссыльных; с другой стороны эти слова наводят на предположение, что жандармы ставили Бакунину в упрек то, что он не занимается этим делом. Но что касается "дерзких просьб", то надо сказать, что жандармы смотрели на беспрестанные ходатайства Бакунина относительно свободных разъездов и т. п. именно как на проявление "дерзости" и "бесчувственности". Просьба Муравьева была 11 ноября Долгоруковым доложена царю, но тот и на этот раз отказал, "повелев насчет Бакунина повременить", как гласит пометка Долгорукова на письме Муравьева, сделанная 13 ноября.

Инцидент, непосредственно вызвавший нападки "Колокола" на Муравьева и выступление Бакунина в его защиту, заключался в следующем. В апреле 1859 г. в отсутствие Муравьева, находившегося в служебной поездке, произошла в Иркутске дуэль между членом совета Главного управления В. Сибири Ф. А. Беклемишевым и чиновником особых поручений при Муравьеве Неклюдовым. Последний был убит. В обществе заговорили, что это была не дуэль, а коварное убийство, и требовали расследования. Во главе оппозиционной кампании стали ссыльные политические Львов и Петрашевский. Окружный суд признал в деле наличие измены и приговорил Беклемишева и двух его секундантов к 20-летней каторге. В губернском суде мнения разделились. Сенат, куда перешло дело, 11 июня 1860 г. приговорил Беклемишева к заключению в крепости на 3 года, а секундантов на 6-9 месяцев (по ходатайству Муравьева этот срок заключения был позже сокращен); кроме того сенат признал в действиях окружного суда и члена губернского суда Ольдекопа, считавшего первый приговор правильным, неправосудие, после чего они по распоряжению Муравьева были немедленно арестованы.

Но суть дела, возбудившая негодование "Колокола", заключалась в ряде произвольных и деспотических действий по отношению к оппозиции, какие дозволил себе Муравьев. Еще с дороги он "советовал" Петрашевскому и Львову, с которыми прежде был в хороших отношениях (мы знаем, что он даже хлопотал за них в 1858 г.; см. выше ком. 10 к No 605), замолчать. Вернувшись 1 января 1860 г. в Иркутск, он прервал с ними знакомство, уволил Львова со службы, выслал (через своего помощника Корсакова) Петрашевского и угрожал применить к нему телесное наказание, которому он подлежал по "закону" как ссыльно-каторжный, закрыл частную библиотеку Шестунова за то, что она служила "сборищем демократов", и т. д. Местная интеллигенция, возмущенная действиями Муравьева, обратилась через проживавшего в Париже доктора Н. А. Белоголового, иркутского уроженца, хорошо знакомого с местными условиями, в "Колокол". В No 2 "Под суд" (приложение к "Колоколу"), вышедшем 15 ноября 1859 г. по новому стилю, появилась статья Белоголового, произведшая страшный переполох в Иркутске среди сторонников Муравьева и обрадовавшая его противников. Составленное в кругу сторонников Муравьева возражение на статью Белоголового было по словам последнего (см. Н. А. Белоголовый- "Воспоминания и другие статьи", 4-е изд. 1901, стр. 109) направлена Герцену при письме Бакунина (?). которому тот естественно доверял. Эта статья была напечатана в NoNo 6 и 7 "Под суд", вышедших 1 и 15 июля м. ст. 1860 г., т. е. совершенно независимо от письма Бакунина, которое датировано 7-15 ноября ст. ст., т. е. 19-27 ноября н. ст., и могло по тогдашним условиям дойти до Герцена не раньше, чем через месяц (действительно у Герцена отмечено получение письма от Бакунина в конце декабря). Значит ;и статья в No 87-88 "Колокола", вышедшем 15 декабря, вероятно написана без влияния Бакунина и во всяком случае до получения его "Ответа "Колоколу" от 1/13 декабря 1860 г. (оно было по-видимому получено Герценом только в феврале 1861 г.). См. канву биографии Герцена в томе XXII его сочинений, стр. 311.

"Ответ "Колоколу"" написан Бакуниным по поводу появившейся в No 82 "Колокола" от 1 октября заметки Герцена "Тиранство сибирского Муравьева" ("Сочинения", т. X, стр. 401). Письмо от 8 декабря было написана тогда же и послано вместе с "Ответом". О них в своем месте.

В этой переписке Бакунин выступает перед нами в весьма малосимпатичном виде. Возможно, что в своей защите Муравьева он руководствовался отчасти чувством благодарности к человеку, пришедшему ему на помощь в трудные минуты его жизни, и желанием расположить в свою пользу верхи местной администрации ввиду задуманного им побега (на случай неудачи хлопот Муравьева о его помиловании). Но в основном содержание и тон этой переписки объясняются тем, что в Иркутске благодаря своей близости к всемогущему генерал-губернатору Бакунин попал в ложное положение и сразу взял неверный тон. Войдя в кружок приближенных генерал-губернатора, Бакунин отрезал себя от местной общественности, в частности от ссыльных, со многими из которых вступил в неприязненные отношения. С другой стороны он вместо действительного Муравьева создал себе своего собственного, по своему образу и подобию, приписав ему свои панславистские мечтания и мнимо-демократическую программу, солидаризация с которою даже в том виде, в каком он сам ее излагает, не делает чести его политической проницательности и демократическим чувствам. Особенно резко бросается в глаза различие его подхода к самодуру-наместнику и политическим ссыльным: в то время как первого он всячески восхваляет, даже за подвиги, которые во всяком не говорим анархисте, каким его и в то время стараются выставить некоторые неумеренные поклонники, но и просто демократе должны были бы возбудить отвращение, он для вторых находит в своей палитре только самые черные краски в изображает их в самом отрицательном виде. Вообще вся эта страница является в биографии Бакунина одною из самых мрачных.

Н. А. Белоголовый в своих "Воспоминаниях", приведя резкий отзыв декабриста А. В. Поджио, выдержанный вполне в либеральном духе Кавелина, о побеге Бакунина из Сибири, рассказывает дальше о позиции, занятой последним в Иркутске по приезду в этот город (сказать по правде, "либеральные" воззрения и сочувствия Белоголовою заставляют отнестись с некоторой настороженностью к его рассказам о революционере). "Здесь, - пишет Белоголовый, - он сразу занял привилегированное положение в доме генерал-губернатора и вращался исключительно в правительственном кругу среди фаворитов дяди, избегая сближения с местным обществом, а потому и в деле беклемишевской дуэли, разыгравшейся на его глазах, стоял на стороне, враждебной общественным симпатиям. Так между прочим доподлинно известно, что опровержение в "Колоколе" на помещенное раньше в этой газете правдивое изложение всех обстоятельств дуэли было составлено при участии Бакунина и прислано Герцену с собственноручным письмом его, в котором заключалась горячая просьба в памяти старых дружеских отношений поместить немедленно это опровержение. Весьма возможно, что в уме Бакунина уже тогда назрел замысел бежать из Сибири, а потому он и держал себя в Иркутске постоянно в маске, думая только о своем плане и стараясь лишь вкрась в доверие графа Муравьева; в этом он действительно успел и, воспользовавшись этим доверием, бежал через Амур при первой возможности и без особого труда" (стр. 103). Дальше в главе "Три встречи с Герценом" (стр. 532 сл.) Белоголовый повторяет, что Бакунин "вскоре после прибытия (в Иркутск) возбудил против себя всю молодежь тем, что всецело примкнул к генерал-губернаторской партии", каковая позиция "так категорически противоречила всей репутации и предшествовавшей деятельности знаменитого агитатора, что становила всех в тупик и могла быть объяснена только тем, что Бакунин, попавши в Иркутск на поселение, был встречен с родственным радушием генерал-губернатором Муравьевым, которому он приходился племянником, и тотчас же сделался постоянным членом интимного кружка Муравьева". Дальше

Белоголовый высказывает предположение, что Бакунину вся местная борьба могла представляться слитком мелкой и что, оказывая услугу Муравьеву в смысле обеления его в "Колоколе", Бакунин этим подготавливал успех своего побега. Излагая свою беседу с Герценом, который по словам Белоголового признавал поведение Бакунина в этой истории предосудительным, однако не хотел выступать против него, пока он находится в неволе, и отказался поместить возражение Белоголового на статью, напечатанную против него в ответ на первую его заметку, мемуарист приводит такое заявление Герцена, которое показывает (если оно точно, в чем мы не уверены), что помещение присланной сторонниками Муравьева заметки действительно не обошлось без вмешательства Бакунина ("я не мог отказать Бакунину в его напечатании). В сущности больше ничего о дуэли и о жизни Бакунина в Сибири Белоголовый не сообщает.

Характерно, что И. Барсуков в своей работе "Граф Н. Н. Муравьев-Амурский", т. I, стр. 575-6, совершенно заминает и обходит весь инцидент с дуэлью, ограничиваясь передачей рассказа Б. Милютина в "Ист. Вестнике" 1888, NoNo 11 и 12 (который с своей стороны старается затушевать дело и обойти его по возможности молчанием).

С своей стороны упомянутый выше Б. А. Милютин, незадачливый брат Д. и Н Милютиных, служивший в Восточной Сибири и бывший по назначению Муравьева председателем суда, рассматривавшего дело по обвинению судей, обвинивших в первой инстанции Беклемишева и его секундантов, т. е. даже не скрывающий в своих записках, что он в угоду властному сатрапу выполнил самое низкое дело, даже этот готовый на всякие услуги чиновник хотя и силится в своих воспоминаниях всячески обелить своего патрона, но и он принужден невольно признать, что причины дуэли тщательно скрывались, что "высшая администрация знала о предстоящей дуэли и не приняла никаких мер к предупреждению ее", что полицеймейстер во время дуэли находился на колокольне, откуда спокойно наблюдал за ее ходом, что в самый день поединка после смертельного его исхода Беклемишев и его секунданты публично устроили на балконе беклемишевского дома на главной улице города оргию, что член губернского суда Молчанов, лично даже незнакомый с Неклюдовым, сам предложил ему свои услуги в качестве секунданта, что "целый город шел за гробом" убитого. Далее он же принужден признать, что Муравьев "повлиял на решение сената", отдавшего под суд судей, осудивших убийц, так как "авторитет власти необходимо было восстановить", и что судьи, которых Муравьев решил засудить, "жили под влиянием местного тогдашнего общества, которое, ненавидя графа Муравьева (курсив Б. Милютина. - Ю. С.), воспользовалось несчастным случаем, чтобы выместить на нем всю злобу, которая накопилась в душе". См. Б. А. Милютин- Генерал-губернаторство Н. Н. Муравьева в Сибири (отрывок из воспоминаний)". "Исторический Вестник" 1888, декабрь, стр. 614-617.

Как видно из текста, данное письмо является не первым письмом Бакунина к Герцену из Сибири, а, по крайней мере, третьим. Первое (записку от лета 1858 г.) мы напечатали под No 604, второе это было большое письмо в 20 листов, т. е. в 5 печатных листов, написанное Бакуниным весной 1860 г., но по каким-то причинам до Герцена не дошедшее (из слов Бакунина нельзя понять, было ли оно отправлено и погибло по дороге или было уничтожено самим Бакуниным), наконец третьим является печатаемое нами здесь письмо от 7 ноября 1860 г. О своей записочке от лета 1858 г. Бакунин невидимому забыл или считал ее недошедшею по назначению, судя по тому, что он говорит о "первом взрыве

освобожденного слова после долгого молчания".

1 Бакунин имеет здесь в виду многочисленные знаки симпатии, проявленные Герценом к нему во время его мыканья по тюрьмам. Конечно не обо всех отзывах Герцена Бакунин мог в то время знать: некоторые из них при жизни Бакунина оставались неопубликованными, как например письмо к Мишле "Михаил Бакунин", написанное в 1851 году, которое тогда вовсе не появилось в печати (статья осталась в бумагах Мишле и была впервые опубликовано порусски в "Былом" за 1907 г.). О других, как о полемике Герцена с Френсисом Марксом, нападавшим на Бакунина в 1853 г. в лондонской газете "Morning Advertiser", Бакунин узнал лишь после своего побега из Сибири (см. в следующем томе). Следовательно, Бакунин мог иметь здесь в виду следующее:

а) Посвящение ему французского издания брошюры "О развитии революционных идей в России" 1853 года; посвящение гласит: "Нашему другу Михаилу Бакунину" (Герцен - "Сочинения", том VI, стр. 298) ;

б) сочувственные отзывы о нем в прежних изданиях той же брошюры; вот что сказано было например о Бакунине в издании 1851 года: "Бакунин, глубокий мыслитель, горячий пропагандист, был одним из самых смелых социалистов гораздо ранее революции 24 февраля 1848 года. Артиллерийский офицер, он оставил пушку, чтобы изучать философию, а несколько лет спустя он покинул отвлеченную философию для философии конкретной, для социализма. Бакунину не могло нравиться то философское спокойствие души, в котором прятались берлинские профессора. Он был одним из первых, которые протестовали в Германии (в газете Руге) против этого бегства в абстрактные сферы, против этого нечеловеческого я бессердечного воздержания, которое совершенно не хочет участвовать в трудах и радостях современного человека, ограничивая себя в апатическом подчинении роковую необходимостью, выдуманную самими профессорами. Бакунин не видел иного средства разрешить антиномию между мыслью и фактом как борьбу: он стал революционером" (Герцен- "Сочинения", том. VI, стр. 682);

в) сочувственные отзывы о нем в статье "Русский народ и социализм. Письмо к Мишле" было напечатано в No 63 газеты "L'Avenement du Peuple" за 1851 год; см. "Сочинения" Герцена, том VI, стр. 461). Там, между прочим, говорится: "Бакунин дал Европе образчик вольного русского человека". И дальше следует протест против "международного преступления", выразившегося в выдаче российскому царизму Бакунина, томящегося в Шлиссельбурге (на самом деле он тогда сидел еще в Петропавловской крепости).

Таким образом у Бакунина было достаточно оснований благодарить Герцена за сочувственные отзывы, данные о нем во время его сидения по тюрьмам. Об этих отзывах он мог узнавать от родных на свиданиях; мог также узнать о них в Сибири от поляков и других ссыльных, а то и от Муравьева.

2 Т. е. с Герценом и Огаревым, о совместной работе которых Бакунин был хорошо осведомлен. Через Муравьева он имел наверно все заграничные издания Герцена, в том числе "Полярную Звезду" и "Колокол".

3 Пассек, Диомид Васильевич (1808-1845) -русский военный деятель, генерал-майор; брат Вадима Пассека, приятеля Герцена и Огарева; в 1830 окончил Московский университет по математическому факультету, после чего поступил в Институт корпуса инженеров путей сообщения; в 1836 поступил в Военную Академию, которую окончил в 1837. С мая 1840 служил в Отдельном кавказском корпусе, активно воевал с горцами, защищавшими свою свободу от русских завоевателей, и убит в стычке под Дарго.

4 Надо полагать, что в Третьем Отделении знали истинную цену демократизму и "революционным" замыслам Муравьева. Что же касается обвинения Бакуниным Петрашевского в близости к Третьему Отделению, то это-клевета, лишний раз только свидетельствующая о легкомыслии и неразборчивости Бакунина в борьбе с противниками. Единственным не оправданием, а объяснением этой возмутительной клеветы может служить доверие Бакунина к сообщениям, которые ему делали Муравьев и его клеветы.

5 Вебер, Гилярий Антонович - поляк, политический ссыльный, обжился в Сибири, стал заниматься торговлей, переехал впоследствии в Николаевск. При одном из наездов его в Иркутск там с ним познакомился Бакунин, по своей манере быстро ставший с ним в приятельские отношения. Во время побега Бакунина и проезда его через Николаевск он увиделся с Вебером и по присущей ему неосторожности дал ему понять, что бежит за границу для революционной деятельности. Подлый ренегат поспешил донести об этом по начальству, но Бакунин успел уехать прежде, чем его по доносу Вебера могли схватить.

6 Тайяндье, Ренэ Гаспар Эрнест (1817-1879) - французский литератор; учился в Гейдельбергском университете, затем уехал в Мюнхен, где сошелся с Шеллингом. Активный сотрудник "Revue des deux Mondes", Читал лекции по истории французской литературы в разных университетах.

Был видным чиновником министерства народного просвещения при Второй Империи. С 1873 г. член Французской Академии. Автор ряда работ о немецкой и русской литературе, в частности книги о Лермонтове (1856).

7 Сперанский, Михаил Михайлович (1772-1839)-русский государственный деятель; сын священника, упорным трудом добился профессуры; был правителем дел при генерал-прокуроре Куракине и занял прочное положение в бюрократии еще при Павле; при Александре I быстро продвинулся и сделался статс-секретарем. Будучи сторонником конституционной монархии, составил ряд записок в этом духе. В 1808 г. сопровождал Александра в Эрфурт и там познакомился с Наполеоном I; сделался чем-то вроде носителя идеи союза с Францией, и потому в 1812 г. пал жертвою ненависти помещиков к Франции. Объявленный предателем, был без суда сослан в Нижний Новгород, затем в Пермь; позже был пензенским губернатором и сибирским генерал-губернатором. В 1821 г. назначен членом Гос. Совета, прислуживался к Аракчееву, однако по старой памяти намечался декабристами в состав Временного правительства. Последние годы занимался исключительно кодификационными работами-редактированием "Полного собрания законов" и "Свода законов", за что получил графский титул. См. М. Корф-"Жизнь графа Сперанского". Спб. 1861, 2 тома; Н. Г. Чернышевский - "Русский реформатор" в "Соч.", т. VIII. стр. 293 сл.

8 Киселев, Павел Дмитриевич, граф (1788-1872)-русский военный и государственный деятель; участвовал в войнах с Наполеоном I, был флигель-адъютантом Александра I; с 1819 г. начальник штаба 2-ой армия, находившегося в Тульчине; декабристы 2-ой армии (Пестель и др.) были с ним в хороших отношениях, но о существовании тайного общества он не знал, а когда оно было раскрыто, принял активное участие в его разгроме. Участвовал в русско-турецкой войне 1828-1829 гг., после которой занялся организацией управления в Молдавии и Валахии (о его тамошних действиях в пользу бояр и во вред крестьянам говорится в томе I "Капитала") и оставался а Яссах до 1834 г. В 1835 г. назначен членом Государственного Совета и членом секретного комитета по крестьянским делам; высказывался за освобождение крестьян, чем навлек на себя вражду партии крепостников. Все эти разговоры кончились созданием особого управления для казенных крестьян, во главе которого был поставлен Киселев и которое затем было преобразовано в министерство государственных имуществ под его управлением. В 1839 г. произведен в графы. При Александре II впал в немилость, и в 1856 г. был назначен послом в Париж (где до 1854 г. послом был его младший брат, способствовавший в 1847 г. высылке Бакунина). В 1862 г. вышел в отставку по слабости здоровья и остался в Париже. Пользовался ложной репутацией либерала. Его биография написана Заблоцким-Десятовским ("Граф П. Д. Киселев и его время", Спб. 1882).

9 В своих "Записках революционера" П. Кропоткин неизвестно на каком основании рассказывает, что Муравьев придерживался крайних мнений и что демократическая республика не могла бы его вполне удовлетворить (по-видимому политическая наивность и ребяческая доверчивость составляют неотделимое свойство всех анархистских теоретиков). "В его кабинете молодые люди вместе с ссыльным Бакуниным обсуждали возможность создания Сибирских Соединенных Штатов, вступающих в федеративный союз с Северо-Американскими Соединенными Штатами". Эта легенда ни на чем не основана, да впрочем, сам Кропоткин приписывает мечтания об отделении Сибири не Муравьеву, а каким-то "молодым людям", которым по самой сути положено увлекаться всякими фантазиями. Но не только Муравьев, но и Бакунин не мечтал об отделении Сибири: нигде и никогда Бакунин не высказывал даже и подобных мыслей; он мечтал не о федерации Сибири с Соед. Штатами, а о федерации всех поработанных царизмом, а затем и всех славянских земель, и мечту о такой именно федерации он приписывал Муравьеву. Последний же, вообще временами разыгрывавший из себя либерала и даже радикала (что было удобнее, ибо избавляло от непосредственной политической программы преобразований, чего не понимали ни Бакунин, ни Кропоткин!), мог иногда пускаться и в болтовню о великой славянской федерации, хотя и в этом мы сомневаемся. Во всяком случае, показной либерализм Муравьева не вводил в заблуждение, например Петрашевского, который на вопрос Львова, что за человек генерал-губернатор, отвечал словами из "Игроков" Гоголя: "штабс-капитан из той же компании".

10 Снова отмечаем, как отрицательно Бакунин относился к русской общине, которую он по растлевающему влиянию на народный характер ставит рядом с крепостным правом и полицейским всевластием.

11 Здесь и дальше Бакунин рассуждает не с точки зрения плебса, трудящихся масс, а с точки зрения национальной экспансии, дворянско-буржуазного завоевания, теперь бы пожалуй сказали: империализма.

12 Невельский, Геннадий Иванович (1813-1876) - русский адмирал, совершил много плаваний; особенно интересовался изучением Дальнего Востока. В 1848 г. проехал по Амуру до устья и доказал, что Сахалин - остров. Был сотрудником Муравьева-Амурского, по поручению которого в 1851 г. снова проехал по Амуру и чуть не вызвал войну с Китаем, приняв амурских туземцев в русское подданство. Поддержанный Николаем I Невельский продолжал действовать в том же духе и захватил Амурскую область, которую присоединил к России. В 1854 г. произведен в контр-адмиралы. Во время войны с англо-французами способствовал продвижению; русского флота из Петропавловска на Амуре. Был некоторое время начальником штаба при Муравьеве, а по переезде в Петербург был назначен членом Ученого Комитета морского министерства. Его "Записки" изданы его женою в 1878 г.

13 Перовский, Лев Алексеевич, граф (1792-1856)-русский государственный деятель; кончил Московский университет, участвовал в войне 1812 г., был членом тайного военного общества, а затем "Союза благоденствия", но рано из него вышел и не принимал никакого участия в восстании декабристов. С 1823 г. перешел на статскую службу, с 1840 г. был членом Гос. Совета и товарищем министра уделов, с 1841 по 1852г. министром внутренних дел, т. е. направлял внутреннюю политику в самое реакционное время. В секретном комитете 1846 г. высказывался за постепенную отмену крепостного права, т. е. фактически за его сохранение; в 1852-1856 гг. был министром уделов, управляющим кабинетом е. в. и Академиею художеств. Ренегат и реакционер, ожесточенно боролся с проникновением передовых идей Запада в Россию.

14 Нессельроде, Карл Роберт, см. том III, стр. 543.

Чернышев, Александр Иванович, князь (1785-1857)-русский военный и государственный деятель; участвовал в войнах против Наполеона I. но делал карьеру при дворе. Александр I сносился через него с Наполеоном и обратно; во время проживания в Париже организовал там военный шпионаж в пользу царя и предупреждал о неминуемой войне с французами. Участвовал в кампании 1812 и 1813 гг. После восстания декабристов был командирован во 2-ю армию и участвовал в следствии над декабристами, проявляя при этом величайшую наглость и жестокость. Был главным распорядителем казни 5 декабристов. Естественно, что при Николае I такой человек сделал блестящую карьеру; в 1826 г. граф, с 1832 г. военный министр, с 1848 г. председатель Гос. Совета и Комитета министров. В 1849 г. получил титул светлейшего князя.

15 Блудов, Дмитрий Николаевич, граф (1785-1864) - русский государственный деятель; начал службу по дипломатическому ведомству; выдвинулся при Николае I в качестве делопроизводителя Верховной следственной комиссии по делу декабристов, на головах которых построил свою карьеру. С 1830 г. управлял министерством юстиции, в 1832 г. министр внутренних дел, в 1838-1839 снова во главе мин-ва юстиции, с 1840 г. главноуправляющий II Отделения с. е. и. в. канцелярии и председатель департамента законов в Гос. Совете. При его участии издано свирепое "Уложение о наказаниях" 1845г. С 1842 г. граф. При Александре II вдобавок к прежним должностям Блудов делается президентом Академии Наук, а с 1861 г. председателем Гос. Совета и Комитета министров. Во время крестьянской реформы высказывался за непременно прекращение обязательных отношений; участвовал в подготовке судебной реформы, но в очень узких пределах. См. Е.

П. Ковалевский - "Гр. Блудов и его время". Спб. 1 866.

16 Чевкин, Константин Владимирович (1802-1875)-русский военный и государственный деятель; в 1827 участвовал в персидской кампании, в 1828 в турецкой войне, в 1831 в польской. В 1834 назначен начальником штаба корпуса горных инженеров. С 1853 по 1862 был главноуправляющим путями сообщения, а затем членом Гос. Совета и председателем департамента экономии. С 1872 был председателем Комитета по делам Царства Польского.

17 Облеухов, Александр Никанорович (1824-1879)-военный а полицейский чиновник; окончил Павловский кадетский корпус, назначен в лейб-гвардии Павловский полк, с которым участвовал в венгерской кампании; затем служил в Сибири сначала в качестве командира батальона, а затем в качестве члена от военного ведомства б. иркутской полевой провиантской комиссии. За участие в присоединении Амурского, края к России произведен в полковники. По болезни вышел в 1858 г. в отставку, в каковой оставался до 1864 г., после чего служил по полицейской части, а затем с 1868 г. снова по военной, В 1876 г. ушел в отставку с чином генерал-майора.

18 Путятин, Ефим Васильевич, граф (1803-1883) - русский военный и дипломатический деятель, адмирал, генерал-адъютант, окончил морской корпус в 1822г., отправился в кругосветное путешествие, участвовал в войне с турками в 1827 г. В 1855 г. в качестве представителя России заключил трактат с Японией, в 1858 г. Тяньцэннский трактат с Китаем и вторично договор с Японией в Иеддо; с 1861 г. член Гос. Совета и министр народного просвещения, призванный навести порядок в забродивших университетах, но своими крутыми мерами не успокоивший, а еще больше возбудивший молодежь и вызвавший ряд студенческих демонстраций, что заставило правительство убрать его с этого поста.

19 Барятинский, Александр Иванович, князь (1814-1879)-русский военный деятель; в 1834-1836 гг. служил на Кавказе; в 1845 г. снова отправился на Кавказ в чине полковника, с тех пор принимал участие во всех более или менее значительных делах против горцев и дослужился до чина генерал-лейтенанта и начальника штаба кавказской армии. В 1854 г. отозван, но в 1856 г. вернулся на Кавказ в звании заместника. В 1859 г. под его личным начальством русские войска штурмовали Гуниб и взяли в плен Шамиля, за что Барятинский получил чин генерал-фельдмаршала. В 1862 г. ушел по болезни в отставку.

20 Речь идет о Михаиле Николаевиче Муравьеве, впоследствии виленском генерал-губернаторе. Бакунин, писавший эти строки в 1860 г., уже тогда называет его "вешающим". Дело в том, что кличка "вешатель" дана ему не за его подвиги в 1863 г., а еще до того - вследствие приписываемого ему выражения (в ответ на вопрос, является ли он родственником повешенного декабриста Муравьева): "Я не из тех Муравьевых, которых вешают, а из тех, которые вешают".

21 "Амур" - первая в Сибири частная еженедельная газета, выходившая в Иркутске с января 1860 г. по апрель 1862 г. Редактировалась М. В. Загоскиным (1830-1894); создана была по инициативе ряда местных деятелей и при поддержке представителей передового купечества, как И. И. Пеленков, С. С. Попов и А. А. Белоголовый (брат литератора), которые

дали средства на издание газеты. Близкое участие в ней принимали Петрашевский, М. И. Шестунов, П. А. Горбунов. В ней же сотрудничали петрашевцы Ф. Н. Львов и Н. А. Спешаев и другие политические ссыльные. Благодаря вмешательству Муравьева-Амурского и затем М. С. Корсакова а дела редакции и принуждению печатать навязанное ей содержание газета постепенно пришла в упадок, растеряла подписчиков, стала выходить реже (раз в две недели), и наконец совсем закрылась. Именно в связи с действиями Муравьева по отношению к газете Львов высказал расходящееся с утверждением Бакунина заявление, что при Муравьеве в Сибири нет закона а есть произвол, нет свободы, а есть своеволие.

Кстати сказать, мы склонны подвергнуть некоторому сомнению указания современников на сотрудничество Бакунина в этой газете. Уже одна близость к ее редакции Петрашевского и других лиц, стоявших в оппозиции к крутой политике Муравьева, исключала возможность работы в ней людей из партии генерал-губернатора, к которой Бакунин заведомо для всех принадлежал. Мы просмотрели имеющийся во Всесоюзной библиотеке Ленина (б. Румянцевский Музей) почти полный комплект "Амура" за 1860 год и не только не нашли там ни одной статьи за его подписью (Львова есть там только одна статья), но и не нашли ни одной заметки, которую можно было бы ему приписать. А предполагать, что он был техническим сотрудником газеты и составлял ее постоянные безымянные отделы вроде внутреннего и иностранного обозрения, местной хроники и т. п. нет никаких оснований; не такой это был человек, чтобы заниматься такую кропотливую мелкою работою.

За 1861 год "Амура" в библиотеке нет, но в этом году Бакунин после истории с дуэлью и вызванной ею полемики уже никак не мог оставаться сотрудником газеты, даже если допустить, что до того он имел к ней какое-нибудь отношение. Комплект за 1862 год в библиотеке есть, но Бакунина в то время в Иркутске уже не было.

22 *Меньшиков, Александр Данилович (1670-1729) - известный сподвижник Петра I, фактический диктатор России при Екатерине I, сослан был в 1727 г. в Березов при Петре II в результате дворцовых интриг и там умер.*

Миних, Бурхард Христофор Антонович, граф (1683-1767) - военный инженер; немецкий авантюрист, выдвинувшийся на российской службе, куда поступил при

Петре I; добился генеральского чина и графского титула, участник дворцовых интриг, в результате которых после воцарения Елисаветы попал в Сибирь (Пелым). В 1762 г. Петр III вернул его в столицу, но при Екатерине II Миних уже не играл политической роли.

23 *Раевский, Владимир Федосеевич (1795-1872)-русский политический деятель, близкий к декабристам; сын помещика, учился в Московском университетском благородном пансионе, а затем в дворянском полку при 2-м кадетском корпусе; с 1812 г. участвовал в походах против Наполеона; в 1818 г. принят в "Союз Благоденствия", а после его роспуска вступил в "Южное Общество"; вел революционную пропаганду среди юнкеров и солдат; был другом А. С. Пушкина; арестован в Кишиневе 6 февраля 1822 г. в чине майора; дело его кончилось в 1827 г. ссылкой в Сибирь, где он жил в селе Олонки вблизи Иркутска. В 1856 г. был амнистирован, но в Россию наезжал лишь временами на короткий срок. Между прочим писал стихи на гражданские мотивы.*

24 Розенталь, Иосиф-Антон Иосифович (род. 1832) - польский революционер; сын арендатора в селе Волнянке Таращанского уезда Киевской губ.; будучи студентом сначала Московского, затем Киевского университета, примыкал к группе "народников", пытался вести революционную агитацию среди крестьян Таращанского уезда в 1855 г.; после подавления волнений бежал в Австрию, но был арестован там и выдан русскому правительству; приговорен к смертной казни, замененной ему по конфирмации в январе 1857 г. ссылкой в Сибирь на поселение. Вскоре после ареста проявил моральную неустойчивость и еще во время следствия предлагал свои услуги жандармам, отвергшим его предложение. Находясь в Сибири, действительно писал доносы в Третье Отделение, которые впрочем не улучшали его положения. С Бакуниным, с которым познакомился в 1857 г. в Томске, был в крайне враждебных отношениях, писал на него доносы, обвинял его (после его побега) в намерении отделить Сибирь от России и утверждал, что Бакунин использует свое положение родственника генерал-губернатора для расправы с негодными ему ссыльными, Петрашевским, им, Розенталем, высланным из Иркутска по проискам Бакунина, и т. д. По приводимой у М. Лемке оправке III Отделения доносов Розенталя на Муравьева в III Отделении нет. Неоднократные просьбы Розенталя об освобождении не увенчались успехом, так как Муравьев, их не поддерживал. Только в конце 90-х годов прошлого века он получил, наконец, возможность выехать за границу, где и умер. Что антисемит Бакунин называет Розенталя "жидком", это понятно. Менее понятно, что он называет его "полуполитическим". Как указал еще Драгоманов, он - настоящий политический преступник. Только от аристократических ссыльных из "белых" мог Бакунин слышать такие отзывы о Розентале, стоявшем на позиции левых, радикалов, польских народников. Возможно впрочем, что он титурует его столь презрительно за то, что в рассматриваемый момент несчастный Розенталь опустил и писал доносы в Третье Отделение. За попытку сближения с народом злополучный юноша заплатил 40-летней ссылкой (см. М. Лемке - "Крестьянские волнения 1855 года" в "Красной Летописи" No 7, стр. 132 ел.).

25 Пущин, Иван Иванович (1798-1859)-русский политический деятель; сын сенатора из бедной дворянской семья; учился вместе с Пушкиным в Царскосельском лицее; с 1817 г. принимал участие в тайных военных обществах, член "Союза Благоденствия" и "Северного Общества"; привлек к заговору К. Рылеева. После столкновения с в. кн. Михаилом Павловичем Пущин перешел из военной службы в гражданскую и пошел в судьи с целью проведения законности. Во время восстания 14 декабря, находясь на Сенатской площади в штатском платье, проявил большую выдержку и храбрость, на следствии и на суде держался с большим достоинством; приговорен к смерти, замененной 20 годами каторжных работ; в 1839 г. вышел на поселение. После амнистии 1856 г. вернулся в Россию, где вскоре умер. Был в молодости большим другом Пушкина, которого старался удержать от вступления в тайное общество, находя, что он принесет больше пользы как писатель, значение которого Пущин предвидел. (См. И. И. Пущин-"Записки о Пушкине". Москва 1934).

26 Завалишин, Ипполит Иринархович (1809-1859?)-провокатор, возможно душевно больной; брат Дм. И. Завалишина. В 1826 г. в возрасте 17 лет, будучи юнкером, донес на брата и сестру, но так как при этом обнаружил знание противоправительственных умыслов, был сам арестован, поражен в крепость, а затем сослан в Оренбург в солдаты. Здесь составил кружок из офицеров и выдал его; по этому делу сослан в 1827 г. в вечную каторгу. В 1843 г.

выпущен на поселение в Верхнеудинск, где был наказан розгами за дерзость против городничего. В 1848 г. переведен из Вост. Сибири в Курган. Здесь писал бесконечные доносы, но впрочем и жалобы, в которых защищал интересы переселенцев, оскорблял в своих заявлениях местное начальство и т. п. В 1855 г. за дерзость против властей арестован и лишен пособия, которое получал как ссыльно-поселенец. Манифест 1856 года к нему не был применен. Был после того выслан из Кургана. В. П. Колесников - "Записки несчастного", изд. "Огни", 1914, "Ипполит Завалишин в Сибири" в "Русск. Стар." 1905, No 6, стр. 658 сл. В 1862-1865 вышло его "Описание Западной Сибири" в трех томах (в Москве).

27 Басаргин, Николай Васильевич (1799-1861) - декабрист; сын помещика; учился в школе колоновожатых; служба во 2-й армии в Тульчине, вступил в "Союз Благоденствия", а затем в "Южное Общество", но скоро охладел к делу. В восстании декабристов участия не принимал, но был арестован и за недонесение о заговоре на цареубийство приговорен к каторге на 20 лет, сокращенной ему до 15 лет. В 1839 вышел на поселение в Тобольской губернии и получил разрешение вступить в правительственную службу. После амнистии 1856 г. вернулся в Россию. Оставил записки.

Фаленберг, Петр Иванович (1791 -1873) - русский политический деятель; сын саксонского уроженца, был подполковником квартирмейстерской части; член "Южного Общества". За участие в восстании приговорен к каторге на 12 лет, сокращенной до 8 лет; в 1832 г. вышел на поселение в село Шушинское Енисейской губернии. В 1856 г. амнистирован, а в 1859 году освобожден от надзора и вернулся в Россию.

Поджио, Александр Викторович (1798-1873) - русский политический деятель, сын итальянского уроженца, служил в Преображенском полку, а 1824 г. вышел в отставку; с 1823 г. член "Южного Общества", республиканец, стоявший за истребление царского дома. Приговорен к смертной казни, замененной ему бессрочною каторгою. В 1839 г. вышел на поселение. До 1859 г. оставался в Сибири, затем вернулся в Европейскую Россию и принял участие в проведении крестьянской реформы. 22 марта 1861 г. ему дозволено было проживать в Москве под надзором полиции. Оставил записки.

Бесчастный, точнее Бечаснов, Владимир Александрович (1802-1859)-декабрист; учился в Кадетском корпусе, был прапорщиком 8-й артиллерийской бригады; член общества "Соединенных славян"; за участие в замысле на цареубийство приговорен к смертной казни, замененной бессрочною каторгою, сокращенною до 20 лет; в 1839 г. вышел на поселение в село Смоленское Иркутской губ., где женился на крестьянке. В 1856 г. был амнистирован, но в Россию не вернулся и умер в ссылке.

Бестужев, Михаил Александрович (1800-1871)-декабрист, сын офицера; учился в Морском корпусе; был другом К. Рылеева, членом "Союза Благоденствия", а затем "Северного Общества"; 14 декабря привел на Сенатскую площадь первые возмущившиеся роты. Приговорен к бессрочной каторге, сокращенной до 20 лет. Вышел на поселение в Селенгинск, где завел с братом Николаем Александровичем образцовое хозяйство. После амнистии 1856 г. остался в Сибири. Только в 1867 г. переехал в Москву.

Кюхельбекер, Вильгельм Людвиг Карлович (1796-1846)-русский писатель и политический деятель; сын ученого агронома; учился в Царскосельском Лицее вместе с А. С. Пушкиным, который позже вышучивал его за приверженность к старой литературной школе и отсутствие поэтического таланта. Служил при Ермолове в Тифлисе, где сблизился с Грибоедовым. Член "Северного Общества" и активный участник вооруженного восстания, он был приговорен к 20-летней каторге, причем 6 лет провел в различных тюрьмах, а затем сослан в Сибирь. В 1835 г. поселен в Баргузине, затем переведен в Западную Сибирь. Умер в Тобольске от чахотки.

28 Тюрьма, специально выстроенная для декабристов при Петровском железном заводе вблизи Верхнеудинска; туда декабристы, сосланные на каторгу, и были переведены из Читы в конце лета 1830 года.

29 Лепарский, Станислав Романович (1754-1837)-генерал-лейтенант; в 1810-1826 гг. командир Северского конно-егерского полка; в августе 1826 г. был назначен комендантом нерчинских рудников, куда предполагалось направить осужденных на каторгу декабристов. Хотя и соблюдая предписанные правила, Лепарский старался по возможности облегчить положение своих узников и заслужил от них хорошие отзывы.

30 Пестель, Павел Иванович, см. том I, стр. 441.

31 Муравьев-Апостол, Сергей Иванович, см. том I, стр. 441.

32 Рылеев, Кондратий Федорович, см. том I, стр. 442.

33 Крузенштерн, Иван Федорович (1770-1846)-известный путешественник и мореплаватель; с 1788 г. служил в русском флоте, а в 1793-1798 в английском. В 1803-1806 гг. совершил путешествие по побережью Тихого океана, объехав западные берега Америки и берега Японии. В 18-26-1842 гг. был директором Морского кадетского корпуса. Оставил ряд сочинений.

34 Корсаков, Михаил Семенович (1826-1871)-генерал-лейтенант, член Государственного Совета; в 1845 г. выпущен из школы гвардейских подпрапорщиков в Семеновский полк; в 1848 г. назначен чиновником особых поручений к генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву. Принимал активное участие в присоединении Амурского края к России. В 1854 г. уже в чине подполковника проехал с Муравьевым по Амуру; в 1855 г. совершил второе плавание по Амуру с экспедицией. В конце 1855 т. назначен военным губернатором Забайкальской области и наказным атаманом Забайкальского казачьего войска. В 1860 г. назначен председателем совета при генерал-губернаторе Восточной Сибири, а в 1861 г. - исправляющим должность генерал-губернатора В. Сибири (в это время при нем бежал из Сибири Бакунин). В 1863г. получил чин генерал-лейтенанта. С 1870 г. назначен членом Госуд. Совета. Его сестра Наталья Семеновна вышла в 1862 г. замуж за Павла Бакунина.

35 Т и м а ш е в, Александр Егорович (1818-1893)-русский полицейский деятель. В 1856 г. назначен начальником штаба корпуса жандармов, и управляющим Третьим Отделением вместо Дубельта; в 1867 г. назначен министром почт и телеграфов и членом

Государственного Совета. В 1868 г. назначен вместо Валуева министром внутренних дел, на каковом посту оставался до 1878 года. Реакционер, гонитель печати, земства и пр.

36 Таким образом Бакунин называет здесь доносом жалобу на злоупотребления местной администрации. Этак нетрудно возвести в доносчики. кого угодно. Злоупотребляя такую терминологию, Бакунин дошел до клеветнического обвинения в писании доносов и Петрашевского.

В этом отношении Бакунин повторял обвинение Муравьева, который в письме к Корсакову из Петербурга от 15 марта 1860 г. сообщал, что "(Петрашевский пишет доносы в III Отделение)". Бакунин не ограничивался, возведением этого обвинения на Петрашевского в частных письмах; так, будучи в гостях у иркутского губернатора Извольского, он позволил себе там сказать, что Петрашевский и Завалишин пишут доносы в Третье Отделение. Муравьев, а вслед за ним Бакунин объявляли доносом всякую подписанную даже полным именем жалобу на произвольные действия администрации. Но если царскому сатрапу Муравьеву это было простительно, то политическому ссыльному Бакунину это вряд ли подобало (см. статью В. Семевского "М. В. Буташевич-Петрашевский в Сибири". "Голос Минувшего" 1915, март, стр. 48). В. Полонский в "Материалах для биографии Бакунина", т. II, стр. 647-677, перепечатал жалобы Петрашевского по начальству, которые дали повод его врагам бросать против него позорящее обвинение в писании им "доносов". Содержание этих документов, свидетельствующих скорее о мужестве Петрашевского, который в качестве бесправного ссыльного дерзнул вступить в открытый бой с всемогущими царскими сановниками, разоблачая их неправильные действия" показывает, насколько легкомысленно поступал Бакунин, повторяя это обвинение, брошенное против Петрашевского раздраженным генерал-губернатором Восточной Сибири.

37 Как указывает В. Семевский в своей работе о петрашевцах, характеристика, даваемая в письмах к Герцену Петрашевскому, "гораздо более роняет самого Бакунина, чем Петрашевского". Семевский кстати напоминает, что Петрашевский был единственным из своих сопроцессников, так и кончившим свои дни в Сибири. А то, что именно Бакунин, а не кто другой, выдвигает против Петрашевского такие обвинения, как то, что он не платит своих карточных долгов (Бакунин вообще никаких не платил), или что его поклонниками является мелкая интеллигенция, которую Бакунин всегда и везде провозглашал главной силой революции, показывает только, что в своем желании угодить своему покровителю Муравьеву Бакунин утратил меру и потерял чувство смешного.

Для характеристики атмосферы, создавшейся тогда в Иркутске, приводим выдержки из двух писем, перехваченных жандармами (не знаем, враждебными или дружественными Муравьеву) и принадлежащих повидимому рядовым обывателям. Первая выписка сделана из письма П. Новицкого, неизвестного лица, приехавшего по приглашению Муравьева на работу в Восточной Сибири и временно оставшегося без назначения, к Алексею Никифоровичу Майнову, полковнику лейб-гвардии уланского полка, прикомандированному к департаменту Генерального Штаба. В письме, датированном 1 июля 1860 г. и направленном из Иркутска в Петербург, автор выражает свой ужас по поводу сложившейся в Иркутске обстановки: людей нет, вместо них "шайка разбойников". "Муравьев в Петербурге и Муравьев в Иркутске это - дело иное. Здесь он неузнаваем... Вы видите перед собою какого-

то хама сибирского или, как его здесь называют, князя сибирского... Муравьев окружил себя людьми, подобными Беклемишеву, убийце Неклюдова; кругом его образовалась шайка людей, готовых на все, что есть безнравственного. От этих господ зависит сделать из вас то, что им хочется, и вы, явившись в Иркутск, должны себя заявить, т. е. стать на сторону этой шайки, к которой принадлежит и Бакунин, или же быть заброшенным без жалованья, переведенным в самое отдаленное место Восточной Сибири и оставленным за штатом, т. е. должны умирать с голоду. Шпионство, наущничество и полный деспотизм, разврат, мотовство и издевка над всеми святыми чувствами человека, гонение на всякий след, на всякое выражение гуманности - вот чем живет здешнее общество" (Дело Архива Революции, III О. 2 секр. арх. К. 8. No 361, лл. 1-2).

Допустим, что в данном случае мы имеем перед собою выражение настроения недовольного чиновника, обманувшегося в своих ожиданиях и сгущающего краски. Но вот перед нами выписка из письма другого иркутянина, какого-то Мехеды, по всему содержанию письма человека прогрессивного и принадлежащего к партии, составлявшей оппозицию Муравьеву. В этом письме, посланном 15 октября 1860 г. из Иркутска в Петербург Александру Александровичу Каргакову, автор, рассказывая о бесправии и диком произволе, благодаря которому "бывшие судьи по делу Неклюдова превратились в подсудимых", и о том, что "теперь целые толпы от утра до вечера спешат утешать любимцев сибирского властелина", т. е. Беклемишева и компанию, прибавляет: "Досаднее всего видеть в этой бестолковой толпе Бакунина, этого Иуду русской свободы, этого представителя (?) откупной системы в Иркутске, - чего доброго я поверю, что он принадлежит к тайной полиции, как и поговаривают в городе. Неужели Герцен не знает о страшном падении своего бывшего друга? Кажется, знает: так по крайней мере позволяют думать замечания редакции на письме Бакунина в защиту дуэли. Какое подлое письмо! Все состряпано с целью упрочить свое положение в материальном отношении. С одной стороны бесконечная похвала, с другой грубая насмешка над мертвецом, - письмо представляет собою крайность и выражает одну только сторону медали, представляет в светлом виде муравьевистов и старается замарать покойного. Выражение "хамократы" падает неизгладимым пятном на Бакунина" (Дело Архива Революции, III О. 2 секр. арх. К. 9. No 362, л. 1).

Как бы ни оценивать резкость выходов по адресу Бакунина и приписывание ему поступков, участие в которых не доказано, а только правдоподобно (вроде сотрудничества в составлении ответа на заметку Белоголового в "Под суд" о дуэли), впечатление от печатаемых выписок получается именно такое, что Бакунин в Иркутске занял ложную позицию, резко расходившуюся с ожиданиями местных прогрессистов и сильно восстановившую их против него, - настолько, что они готовы были смотреть на него как на человека, предавшего дело свободы, и допускать службу его в тайной полиции.

Вот что пишет о Бакунине в своих цитированных воспоминаниях Б. А. Милютин: "За высылкой Петрашевского на сцену выступил Бакунин, но он не прикасался черви. Он плавал по верхушкам и был очень хорошо принят у Из[вольск]их. Держал он себя в политическом отношении очень скромно; хотя за ним, за учителем, и ходило несколько лиц из молодежи, но я подозреваю по отношению к некоторым, умысел у них был иной: пользуясь близостью Бакунина и к графу Муравьеву и к Изв[ольско]му, заручиться карьерой, чего через последнего они и достигали. Помню бывшие у Бакунина вечера: квартира не топленная,

грязно содержимая. Приходилось сидеть в верхней одежде, согреваться чаем. Денежные средства у Бакунина были плохи; ученики доставляли к чаю коньяк. А речи лились потоком из уст красноречивого хозяина. Впрочем, он пропагандировал мало, более всего рассказывал о своих подвигах. Оттого ли, что он остерегался из уважения к графу Муравьеву, или к тому времени он выдохся, но лично на меня Бакунин никакого впечатления не произвел, а последовавшая затем женитьба его, совершившаяся крайне грязно (?), и подлая проделка его с Корсаковым внушала к нему полнейшее отвращение" (цит. ст., стр. 629-630). Насколько можно доверять этому мемуаристу, видно из того, что женитьбу Бакунина он относит ко времени после его переезда в Иркутск, и, перепутав все, что он слышал, говорит о какой-то грязи, в которой она совершилась. Что он стоит не выше "великого" Кавелина и строго осуждает побег Бакунина, обидевший Корсакова, нас удивить не может.

38 Головин, Иван Гаврилович, см. том III, стр. 470.

39 Сент-Юрюж, Виктор Амедей де ла Фэ, маркиз (1750-1810)- французский политический деятель. Родился в столбовой дворянской семье, крестным отцом его был король Сардинский Виктор-Амедей. По смерти отца получил огромное наследство, оставил армию и стал путешествовать. Женился на актрисе, которая сумела засадить его в сумасшедший дом, где он пробыл с 1781 по 1784 г. По освобождении выслан в свое имение под надзор полиции; бежал в Англию, вернулся во Францию в 1789 г. и с головой погрузился в революционное движение. 12 июля 1789 г. поддерживал Камилла Демулена; позже был сторонником Дантона, арестован вместе с ним, но выпущен после 9 термидора. С тех пор стоял в стороне от политики.

40 Достоевский, Федор Михайлович (1822-1881) - русский писатель и политический деятель: окончил Инженерное училище; член кружка петрашевцев, был арестован в апреле 1849 г., обвинялся в чтении письма Белинского к Гоголю, приговорен к смертной казни, замененной ему на эшафоте 4 годами каторги; в тюрьме подвергался телесному наказанию, повлиявшему разрушительно на его психику; после каторги был в 1854 г. сдан на 3 года в солдаты; в 1859 г. возвратился в Россию больным эпилепсией и духовно разбитым. В своих многочисленных беллетристических произведениях выводит жертв петербургской жизни и самодержавного общества, большею частью из рядов обедневшего дворянства и мелкого чиновничества, проповедуя при этом смирение, покорность, приятие существующего строя и шельмуя вместе с тем всякую попытку бороться против господствующего режима, изрекая анафему не только на революционно-демократические, но и на умеренно-либеральные стремления, поскольку они хоть в малом расходятся с принципами самодержавия и православия.

41 Толь, Феликс Густавович, в письмах подписывался Эммануил (1823-1867)-русский писатель и политический деятель, немец по происхождению, сын канцеляриста, окончил Педагогический Институт, был преподавателем; член кружка петрашевцев, выступал там с проповедью атеизма; приговорен к смертной казни, замененной 2 годами каторжных работ на заводах. В 1855 г. получил разрешение жить в Томске, где там и познакомился с Бакуниным. В 1857 г. ему возвращены права состояния и дозволено вернуться в Россию; в 1859 г. разрешено жить в столицах. Написал ряд педагогических статей и рассказов,

социальный роман "Труд и капитал" (1861), составил и издал в 3 томах с приложением "Настольный словарь" (1863-1866), вовлекший его в долги.

42 Рассказ Бакунина здесь неточен. Речь идет о "Карманном словаре иностранных слов". Первый выпуск его (176 страниц, А-Мар) вышел в апреле 1845 г. и был посвящен в кн. Михаилу Павловичу как главному начальнику военно-учебных заведений издателем, каковым был штабс-капитан Н. С. Кирилов; редактором этого выпуска был В. Майков; он же и Р. Штрэндман были главными сотрудниками. Таким образом к первому выпуску и к посвящению словаря Михаилу Павловичу Петрашевский не имел никакого отношения. Второй выпуск словаря (177-324 стр.. Мар- Орд) вышел в апреле 1846 г. уже под редакцию Петрашевского, которым написаны здесь почти все главные статьи. Петрашевский пользовался словарной формой как прикрытием для пропаганды социалистических, преимущественно фурьеристских идей, а в философской области - идей Фейербаха. Выпуск словаря был задержан в начале мая, затем книга подвергнута секвестру, а после дела Петрашевского полиция начала отбирать и 1 -и выпуск; в 1853 г. были сожжены хранившиеся в цензурном комитете отобранные экземпляры 2-го выпуска (1599; всего было напечатано 2000, так что 400 успели разойтись). Преследованию за этот словарь Петрашевский не подвергался.

43 О Языковой, Елизавете Петровне, см. том III, *passim*.

44 Хоецкий, Эдмунд, псевдоним Шарль Эдмонд (1822-1898)- польский писатель, беллетрист и публицист, писал по-польски и по-французски; в 1844 г. выехал во Францию и в Париже стал сотрудничать во французских журналах ("Независимое Обозрение"). В 1848 г. участвовал в пражском славянском съезде, вернулся в Париж, откуда уехал в Египет для изучения восточных проблем. В 1856 г. был секретарем принца Наполеона и участвовал с ним в экспедиции на север. Написал по-французски несколько драм и знакомил французов с польскую литературой. Был акционером и сотрудником газеты "Temps". Был знаком с Герценом и с Бакуниным.

45 Эренберг, Густав (1816-1895)-польский писатель и политический деятель; родился в Варшаве, учился в Краковском университете, был любимцем молодежи; участвовал в революционном движении и в 1839 г. выехал в Царство Польское в качестве эmissара "Союза польского народа"; привлеченный к делу Симона Конарского (см. том 111, стр. 552), был приговорен к смертной казни, замененной бессрочными каторжными работами. До 1858 г. пробыл в Забайкалье (здесь написал между прочим "Даурские элегии"), затем вернулся в Варшаву, где служил в управлении майоратами Замойского, а позже библиотекарем в библиотеке ординации. С 1870 г. жил в Кракове, где был профессором литературы на женских курсах.

46 У Драгоманова напечатано Трентковский вместо Трентовский и Четжовский вместо Цешковский (или Тешковский, Gieszkowski). Это кстати дает некоторое представление о той небрежности и невнимательности, с какими Драгоманов отнесся к взятому на себя делу первого издания писем Бакунина к Герцену и Огареву.

